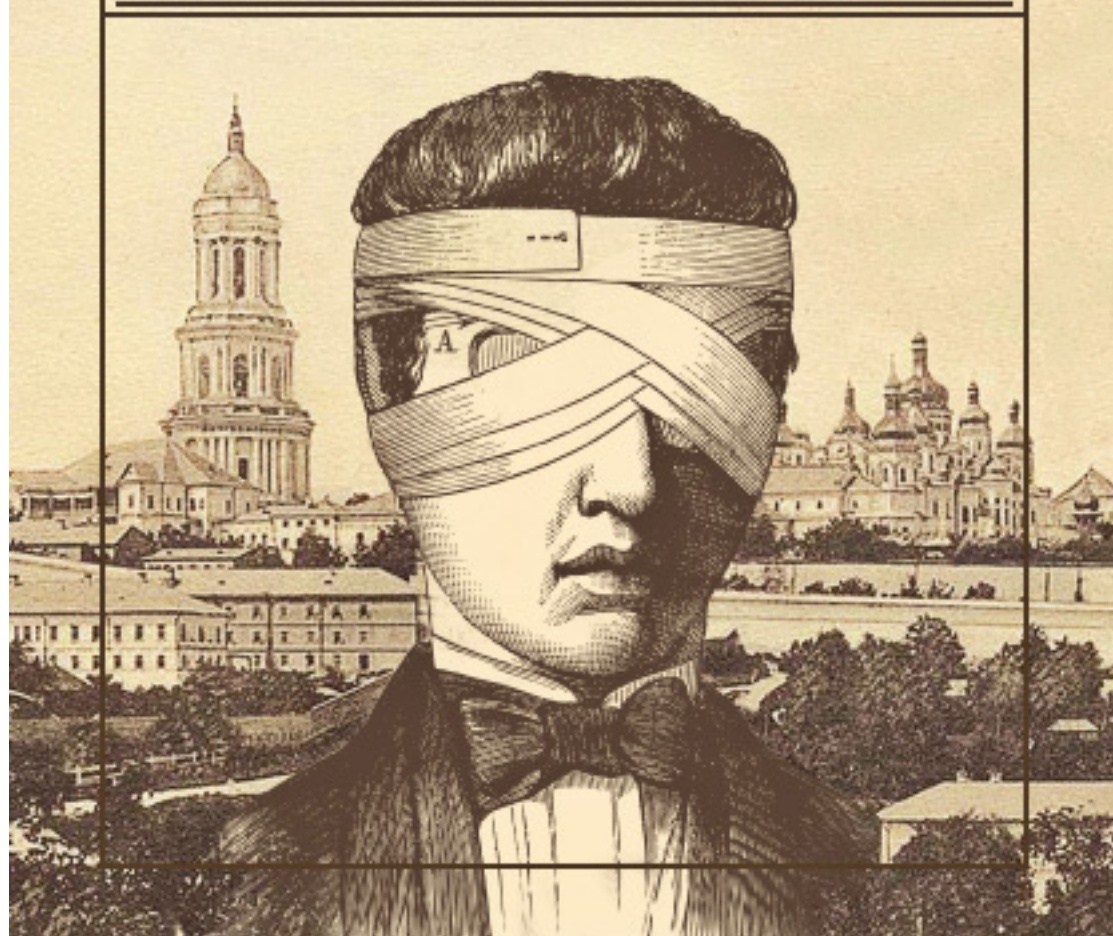

НИКОЛАЙ СВЕЧИН

Касьянов год

Сыщик Его Величества

Николай Свечин

Касьянов год

«Автор»

2016

Свечин Н.

Касьянов год / Н. Свечин — «Автор», 2016 — (Сыщик Его Величества)

Действие книги разворачивается в 1900-м году. Год високосный, в народе его не любят; считается, что он приносит несчастья. По святцам 29 февраля день святого Кассиана – по нему весь год называют Касьяновым. Лыков по просьбе министра финансов Витте едет в Киев. Там зять Витте Михаил Меринг ударился в рискованные аферы. Он занимается жилищным строительством и набрал множество кредитов. Но в строительстве кризис, и Меринга ждет банкротство. Стараясь обмануть кредиторов, он жульничает с залогами. Оценщик банка узнал об этом и написал тестю афериста. Встревоженный Витте просит Лыкова разобраться, что там происходит. Сыщик явился в Киев и узнал, что оценщик бесследно исчез...

© Свечин Н., 2016

© Автор, 2016

Содержание

Глава 1. Зять любит взять	5
Глава 2. Ах, Киев!	13
Глава 3. Находка в реке	18
Глава 4. Киевские банки и все, что вокруг них	30
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Николай Свечин

Касьянов год

Глава 1. Зять любит взять

Министр внутренних дел Сипягин вызвал к себе директора Департамента полиции Зволянского. Тот пришел с красными глазами: опять до трех часов утра вводил начальство в курс дел. Отношения двух сановников не складывались. Зволянский считал, что должность «затыкателя вулкана» (его выражение) нужно поручать человеку ответственному и способному к серьезной работе. Время суровое: того и гляди, шарахнет... А Сипягин – ленивый барин, добродушный, даже чувствительный. Хороший семьянин, верующий человек и монархист, государь его любит. Но к труду не способен. Охотиться с ним хорошо или в винт играть, а вот служить трудно. Пока славный малый возглавлял Комиссию прошений, это было терпимо. Служба непыльная, устоев не обрушит. Но министр внутренних дел! в тысяча девятисотом году! Зволянский в душе негодовал. Сейчас ему приходилось ездить к министру каждый вечер и посвящать его в узкоспециальные полицейские вопросы, а именно в самые важные дела карательного ведомства. Главного охранительного, от которого будущее империи зависит. После ночных бдений, окончательно одуревшие, собеседники расставались недовольные друг другом. Вот только обижаться на начальство – занятие бессмысленное и опасное. И Зволянский втайне начал подыскивать себе другое место. Обычно директоров департамента после отставки провозили в сенаторы, с сохранением прежнего, весьма достойного жалования. Плохо ли?

– Слушаю вас, Дмитрий Сергеевич, – почтительно произнес Зволянский, заходя в кабинет. – Что-то срочное?

– Как сказать, Сергей Эрастович, – пробурчал Сипягин, теребя седую бороду. – Вот, ознакомьтесь. Черт знает что происходит в Киеве... Совсем жида распустились! Мне передал эту бумагу Витте.

Директор департамента взял протянутое письмо и пробежал его глазами. Некий Афонасопуло, оценщик Киевского частного коммерческого банка, сообщал следующее. В банке творится аферизм. Директор Михаил Меринг бездумно и необоснованно ссужает большими суммами Киевское акционерное домостроительное общество. Общество строит дома в центре города, на лучших участках. Руководит им все тот же Меринг. И получается, жулик кредитует сам себя. Он заставляет Афонасопуло кривить душой и завышать цену залога. В сговоре с Мерингом состоит архитектор Шлейфер. Он председатель правления в Городском кредитном обществе, тоже занимающемся ипотекой. И одновременно партнер Меринга по строительству. Из двух банков деньги бесконтрольно утекают в авантюрные прожекты. Это все плохо кончится! В жилищном деле кризис, вновь выстроенные квартиры никто не купит. Вот-вот банки ждет банкротство. Афонасопуло писал губернатору и даже министру юстиции, но ни от кого не получил ответа.

– Дмитрий Сергеевич, а мы тут при чем? – возмутился действительный статский советник. – Пусть киевская сыскная разбирается. Дело мелкое, не нашего калибра. Еще Департаменту полиции не хватало дознавать аферы в Киеве!

Сипягин поморщился:

– И я бы так считал, Сергей Эрастович, если бы не одно обстоятельство. До Шлейфера нам дела нет. Но министр финансов не просто так обратился ко мне. Упомянутый здесь Меринг – его зять. Женат на приемной дочери Витте Софье, от первого брака покойной жены Сергея Юльевича. Хоть и приемная, а все-таки дочь! Он дал ей свою фамилию. А теперь,

возможно, на нее – я имею в виду фамилию – ляжет пятно. Сергей Юльевич просит навести справки. Очень и очень осторожно.

Зволянский подобрался. Вот оно что... Тогда действительно, от поручения не отвертеться. Министр финансов Витте – первый среди равных, самый влиятельный в правительстве человек. А Сипягин – директор это знал – был его приятелем.

– Теперь понятно, ваше высокопревосходительство. Но почему мы, сыщики? Проще было бы Витте послать в Киев одного из своих доверенных лиц. Финансовые вопросы для полиции темный лес...

– Он сначала так и сделал, – пояснил Сипягин. – Как только получил сигнал, телеграфировал своему приятелю, действительному статскому советнику Немешаеву...

– Финансисту?

– Нет. Клавдий Семенович Немешаев – управляющий Юго-Западными железными дорогами. Человек в Киеве всесильный, эдакий тамошний князек.

– И что приятель? Встретился с автором письма?

– А он не нашел Афонасопуло. Тот вдруг куда-то исчез, сразу после того как Немешаев захотел с ним повидаться.

Зволянский насупился:

– Сбежал с перепугу, когда понял, что за клевету могут и спросить?

– Кто знает, – насупился в ответ министр. – Не было бы чего похуже...

– Что вы имеете в виду, Дмитрий Сергеевич? Надеюсь, не преступление?

– Меня смущает одно место. – Сипягин ткнул пальцем в бумагу: – Вот, обратите внимание. «А недавно Меринг заставил меня сделать такое, что тянет на каторжные работы». Представляете? И далее: «Доказательства у меня на руках, и я охотно предоставлю их вашему высокопревосходительству».

– Мало ли что скажешь для красного словца, – возразил Зволянский. – Хотел заинтриговать Витте, вот и сболтнул. Что-то не помню случая, чтобы за строительные аферы кому-нибудь в империи давали каторгу.

– Как хотите, Сергей Эрастович, а надо разобраться. Витте попросил, я не могу ему отказать. Теперь, когда финансисту не с кем стало разговаривать, нужен сыщик. А это уже по нашему ведомству.

– Зять любит взять?

– Запросто! Разузнайте, что там в Киеве происходит, только осторожно.

– Осторожно – это как? – снова начал заводиться директор департамента.

– Ну так, чтобы не порочить имя Меринга раньше времени. Соберите сведения и передайте их через меня Сергею Юльевичу. А тот решит. В конце концов, денежные махинации относятся до Министерства финансов, ведь так?

– Да. Но дознание будут вести чины полиции, то есть ваши подчиненные.

Сипягин пожевал губами, подумал, потом решил:

– Пошлите туда верного человека. Пусть откроет секретное дознание по этому письму, от моего имени.

– Секретное от кого? – окончательно раздухарился Зволянский. – От Меринга с этим... как его? Шлейфером? Или от киевского губернатора и местной полиции? Без помощи тамошних сил дознание невозможно. А как только им придется рассказать о секретном поручении, оно тут же станет общеизвестным. Там наверняка, как и повсюду в провинции, спайка. Любая тайна через день будет сплетней.

Министр крякнул в досаде:

– Это так. А тут еще скандальный Драгомиров. Если он узнает о секретном дознании, такой шум поднимет. Государю не задумаясь напишет!

Генерал-адъютант Драгомиров занимал сразу две высших должности в Юго-Западном крае. Он был командующим войсками Киевского военного округа и одновременно Киевским, Волынским и Подольским генерал-губернатором. Человек самобытный, герой русско-турецкой войны и новатор военного дела. Сидит там, как эфиопский негус, карает и милует. Без его согласия тайные дела не начнешь. Вот рядовое дознание можно. Получил министр сигнал с места и послал человека разобраться.

– Согласен с вами, Сергей Эрастович. Пусть ваш чиновник едет с официальным поручением, и местные силы ему в помощь. Думаю, Афонасопуло все-таки сгустил краски. Умный ревизор быстро все поймет. Ну а если оценщик прав и там афера... Тогда и решим, вместе с Витте. Кого хотите послать?

– Надворного советника Лыкова, – не задумываясь, ответил Зволянский.

– Я еще плохо знаю кадр вашего департамента. Лыков – это тот, что поймал убийц читинского полицмейстера Сомова?

– Точно так, Дмитрий Сергеевич. Мой чиновник особых поручений. Согласно вашего распоряжения, он был послан дознавать возмутительное злодейство. Дорога в оба конца заняла у Лыкова больше месяца, а само преступление он раскрыл в три дня! И вообще, надворный советник всегда находит виновных. До сих пор у него не было ни одной неудачи.

– Вот и хорошо, – поднялся министр. – Посылайте туда Лыкова и держите меня в курсе его дел. Сами понимаете, с Витте надо ладить. От него сметы нашего министерства зависят.

Зволянский вернулся к себе на Фонтанку, 16 и велел немедленно пригласить надворного советника. Тот явился.

– А скажи мне, Алексей Николаевич, бывал ли ты в Киеве?

– Дважды проездом, а что?

– И как находишь город?

– Сам город так себе, а окрестности выше всяких похвал. Красиво!

– Ну вот и славно. Собирайся, поедешь туда.

И директор рассказал о новом задании министра.

Лыков прочитал письмо неведомого оценщика и сказал:

– Странный сигнал. Афонасопуло написал банальности, а самое важное скрыл. Почему, как думаешь?

Наедине оба полицейских чиновника были на «ты».

– Хочет лично повидаться с министром финансов, – предположил Зволянский. – Каторга! Насчет каторги он, конечно, загнул, но, видать, там что-то серьезное. Вот наш главный казначей и забеспокоился. Бойтся сплетен, ясное дело.

– Согласен, – кивнул сыщик. – Про Витте и так всякое говорят. Ему приходится быть святее папы римского. Но наш-то каков!

Директор скривился:

– Да уж. Ходит на помочах и рад, не знай как. И все будто бы для пользы дела.

Лыков знал от директора, что их министр находится под сильным влиянием Витте. Того не любил государь, и хитрый делец использовал простодушного Сипягина в своих целях. В противовес Сергею Юльевичу император очень хорошо относился к Дмитрию Сергеевичу. И все благодаря его женитьбе. Будучи сорока одного года от роду, Сипягин обвенчался с сорока-трехлетней перезревшей девицей, княжной Вяземской. Ее сестра в свою очередь стала женой Шереметева, того самого, знаменитого Сергея Дмитриевича. Этот человек был другом детства покойного государя и наставником нынешнего. Такое свойство быстро вывело заурядного бюрократа наверх. Из московских губернаторов он скакнул в товарищи министра и егермейстеры. Потом стал главноуправляющим Комиссии по принятию прошений, на Высочайшее имя приносимых. А это уже должность, когда ты на глазах у монарха. И через четыре года Сипягин возглавил важнейшее в системе управления империей министерство. Притом остался добрым

малым с хитрецей, любителем вкусно поесть и поохотиться. Государственным мышлением не обладал, зато был настоящий московский барин.

– Наш... – Зволянский хотел сказать «дурак», но не решился и продолжил иначе: – ... патрон желает услужить Витте. Хотя при своих отношениях с Его Величеством сам бы мог вить из казначея веревки. Так что езжай и разберись. Разыщи писателя и тряхни как следует. Кажется, это заурядный донос. Или рядовая афера, которая Департамента полиции никак не касается. Но замешаны такие люди... Киев – столица Юго-Западного края и вотчина Драгомирова, второго государева любимца. Будь осторожен, не наступи там на ногу кому не следует. Сипягин из-за мелкой шушеры, как мы с тобой, ни с кем ссориться не будет. Особенно если противник с титулом или хорошим поместьем.

– Я сам с хорошим поместьем! – обиделся Лыков.

Но действительный статский советник лишь крикнул и сказал сдержанно:

– Ну ты же понял, что я имею в виду...

– Как не понять.

– Тогда ступай. И не присылай мне, пожалуйста, оттуда плохих вестей. И без того грустно.

– Очень донимал? – сочувственно спросил надворный советник.

– Еловая голова у нашего патрона, – не сдержался Зволянский. Он знал, что дальше Лыкова не уйдет. – В третьем часу ночи сегодня отпустил! Про Особый отдел так и не понял, придется заново разжевывать. Нет, уходить пора, уходить...

Алексей Николаевич впал в минорное настроение. Судьба чиновника его уровня зависела от служебных дрызг и интриг. С прежним министром Горемыкиным Зволянский жил душа в душу, и надворный советник тянул лямку спокойно. Знал, что директор всегда прикроет. Но в декабре прошлого года Горемыкина задвинули в Государственный совет. Сыщик Лыков сразу почувствовал изменения. Его начальник стал нервным и неуверенным. Конечно, такое случалось уже не раз. Лыков много повидал директоров Департамента полиции, Зволянский не первый и не последний. Но, поднимаясь в Табели о рангах, все труднее оставаться в стороне. Бывший нижегородец засиделся в надворных советниках. Документы на его производство в следующий чин были уже заготовлены. И тут неприятное поручение – вскрыть аферу, которую устроил зять всемогущего Витте. Самому бы уцелеть после такого дознания...

Подумав как следует, Лыков телефонировал в Военное министерство. Он решил перед отъездом повидаться с бароном Таубе. Пусть расскажет другу, кто такой Драгомиров. «Хозяин» Киева может стать союзником или противником в опасном деле. Лучше бы союзником...

Виктор Рейнгольдович принял старого товарища после девяти. Он занимал теперь должность, в которой раньше состоял покойный Енгальчев – директор канцелярии ВУК¹. Должность была генеральская, но Таубе по-прежнему держали в полковниках. Дали казенную квартиру, и на том спасибо. И «на гуся»² выписывают, как генерал-майору... В их последнюю встречу на Пасху барон был не весел. Жаловался на Куропаткина, что загонял всех в министерстве пустяковыми поручениями. Полгода отсутствует на месте, ездит по стране ради двойных прогонов. Берется за все сам, а потом бросает и не может отличить главного от второстепенного. Ну эдак-то по всей империи... Таубе жаловался устало и механически и намекал, что уйдет в строй. Знакомая песня. Если бы нашему брату да волю выбирать начальство...

– Что расскажешь? – спросил полковник, пожимая товарищу руку.

Тот сразу взял быка за рога:

– Меня посылают в Киев. С неприятным поручением. Даже, возможно, опасным.

---

¹ ВУК – Военно-ученый комитет, структура в составе Военного министерства, которая занималась в том числе вопросами разведки. (Здесь и далее примеч. автора.)

² «На гуся» – наградные к Рождеству.

- И что?
- Скажи, в какой мере я могу рассчитывать на помощь Драгомирова? В случае, ежели не дай Бог...
- А что за поручение?
- Некто Меринг, председатель правления домостроительного общества, якобы заигрался. Расташил деньги из банка, отдать не может, а лезет во все новые аферы...
- Обычная история, – прервал гостя Таубе. – Таких мильён, что же тут опасного?
- Этот Меринг женат на дочери Витте. Приемной, но тем не менее...
- Барон присвистнул.
- Витте? Убийца русской армии? Тут Михаил Иванович ему спуска не даст, за все отыграется.
- погоди, Виктор. Давай сначала про Драгомирова, а потом про убийство армии.
- Давай. Итак, генерал-адъютант, генерал от инфантерии Михаил Иванович Драгомиров. В этом году ему исполнится семьдесят лет. Человек очень больной и оттого капризный.
- Он действительно с зайчиком в голове? – уточнил Лыков.
- Со странностями, это верно. Однако у талантливых людей такое бывает часто, а Драгомиров талантливый.
- Говорят, он постоянно выпимши.
- Нет, – возмутился Таубе. – Эти сплетни о нем распускает генерал Новицкий, начальник Киевского ГЖУ³. Старый дурак и дармоед, кстати сказать. Драгомиров имеет большие заслуги перед Россией. Его дивизия в русско-турецкой войне первой форсировала Дунай и обеспечила успех всей переправы. Он же вовремя поддержал Радецкого на Шипке. Но получил там тяжелую рану, ему едва не ампутировали ногу. Пришлось покинуть строй. Михаил Иванович долго командовал Николаевской академией⁴, написал учебник по тактике, потом принял Киевский округ, а затем и начальство над всем краем. Что еще добавить? Ругался с Толстым, написал издевательский разбор «Войны и мира» с точки зрения военного человека. Родил девять детей; один, правда, умер. Евреев очень не любит и преследует. Изучает философскую литературу, особенно уважает французских классиков... Считает, что скорострельное магазинное оружие не нужно, главное – это воля солдата; тут он, конечно, не прав.
- Ясно. Теперь давай про Витте, как он убивает русскую армию.
- Конечно, убивает! – начал горячиться полковник. – Своей чертовой экономией буквально гробит. Мы даже чайное довольствие на солдат не можем выпросить. Тех денег, которые дает нам Министерство финансов, едва-едва хватает на текущие нужды. А новое вооружение? А повышение содержания нищих офицеров? А казармы для войск? Стоим же по крестьянским избам до сих пор.
- Но Витте собирал деньги для укрепления рубля. Видишь, перевел его на золотой стандарт. Это потребовало большой экономии, зато, как говорят, оздоровило все наше хозяйство.
- Золотой стандарт уже давно введен. И превышение доходов над расходами значительное, особенно после появления винной монополии. Но армия до сей поры этого не почувствовала. Германцы перевооружаются семимильными шагами, а мы едва можем заменить винтовки. О пушках и говорить не приходится. Знаешь, сколько кайзер расходует на вооруженные силы? Пять рублей восемьдесят копеек из расчета на душу населения. А мы – всего два с половиной.
- Значит, у Драгомирова на Витте зуб? – спросил Лыков.

---

³ ГЖУ – губернское жандармское управление.

⁴ Николаевская академия – академия Генерального штаба.

– Конечно, как у каждого военного. И если ты прищемишь хвост родственнику финансиста, Михаил Иванович тебя поддержит. Но нужен кто-то из ближайшего окружения Драгомирова, кому он доверяет и кто тебя ему представит в нужный час.

– Есть у тебя такой в Киеве?

– А то! – обрадовал приятеля Таубе. – Я дам тебе письмо к Дикой Мавре.

– Это женщина? А почему дикая?

– Не надейся, старый юбочник. Дикая Мавра – это дежурный генерал штаба округа Алексей Алексеевич Маврин. Мой хороший товарищ и славный человек. А прозвище свое получил за характер, как у юной гимназистки. Застенчив, угловат, трудно сходится с людьми – словом, дичится. Драгомиров его любит, и при необходимости ты сможешь быстро встретиться с генерал-губернатором через него. Кстати, Маврин окончил Аракчеевскую военную гимназию в Нижнем Новгороде. Так что вам будет о чем поговорить, хе-хе.

– Пиши письмо. Как-то спокойнее ехать в Киев, когда знаешь, что армия тебя защитит.

– Если, конечно, защитит, – ухмыльнулся Таубе и обмакнул перо в чернильницу. Но вдруг отложил его:

– А Меринга этого как зовут? Михаил Федорович?

– Михаил, а отчества не знаю.

– Он, стервец! Знакомая нам личность, как говорит мой денщик.

– Где встречались?

– Меринг был вице-директором Кредитной канцелярии Министерства финансов. А я ходил к нему защищать наш предельный бюджет⁵. Скользкий персонаж. Хороший математик, учился за границей на астронома, но стал чиновником. А как выгодно женился, сразу вышел в отставку. В Киеве у него, говорят, большое имение, досталось по наследству от отца. Жук еще тот.

– И служил под Витте до того, как породнился? Ловкач. М-да...

Придя домой, Алексей Николаевич сообщил жене о предстоящем отъезде. Варвара Александровна не обрадовалась. Середина мая, скоро каникулы. Последнее лето, когда они с детьми могут пожить все вместе: через год сыновья будут юнкеры. Лыков собирался днями отправиться в Нефедьевку, проверить, все ли там готово к их приезду. А тут Киев. От супруги не укрылась и озабоченность мужа. Он коротко пояснил, что поручение начальства ему не нравится, но деваться некуда. В случае чего поселимся в деревне... Он всегда так говорил, когда над головой сгущались тучи. Варвара Александровна знала, что это только слова. Муж не сможет быть лесопромышленником, без службы он зачахнет, уже проверено. Супруга Лыкова лишь вздохнула и пошла собирать его вещи.

Утром перед отъездом Алексей Николаевич заехал в департамент. Зволянский показал ему текст телеграммы, которую МВД направило киевскому губернатору Трепову. В ней поручалось оказать содействие командированному чиновнику в дознании о возможном аферизме. Подписал телеграмму сам Сипягин. Сергей Эрастович открыл также важное обстоятельство. По словам министра, Витте приезжал к нему вчера вечером и просил только одного – «честного взгляда». Обещал принять любую правду. Якобы он не доверяет своему зятю и никогда не поощрял его деловых операций. И боится, что тот в Киеве козыряет именем тестя. А потом претензии обманутых партнеров будут обращены на главного финансиста империи. Сергей Юльевич просил довести до него результаты дознания без прикрас. И будто бы заранее готовился к плохим новостям.

Лыков повеселел. Теперь можно ехать. Дело представлялось ему нетрудным. Оценщик Афонасопуло, судя по всему, имеет на руках доказательства аферы. С порученцем самого

---

⁵ Тогда Военное министерство финансировалось по так называемым предельным бюджетам – трехлетним планам; все сверхплановые траты защищались отдельно.

Сипягина никто спорить не посмеет. В случае чего с неофициальными источниками поможет Дикая Мавра – дежурный генерал штаба округа и близкий к начальнику края человек. Через него можно проверить слова оценщика. Делов на неделю. Но на всякий случай Алексей Николаевич вытребовал себе открытый лист⁶ за подписью министра. Чтобы было чем пугать киевлян.

Спустя двое суток Лыков сошел с поезда на дебаркадер Киевского вокзала. Было восемь часов утра. Носильщик дотащил чемодан до биржи, на которой стояло множество задрипанных извозчиков. Приезжий сразу обратился к омнибусам. Таковых насчитывалось пять, от лучших городских гостиниц. Еще в вагоне сыщик выяснил, что самая новая и фешенебельная из них – это «Континенталь». И экипаж был под стать: роскошная карета, запряженная парой гнедых лошадей, с электрическими лампами на дугах. Возница в шляпе с пером живо загрузил багаж и отправился в путь.

Карета пересекла мост через какой-то ничтожный ручей⁷ и оказалась в городской окраине. Лыков узнал Верхнюю Соломенку. Сразу ему прилетел привет из прошлого: они ехали по Безаковской улице. Ее назвали в честь бывшего генерал-губернатора Безака, а Лыков много лет назад служил в Нижнем Новгороде под командой его сына. Добравшись до поворота, экипаж выехал на прямой, как стрела, и бесконечно длинный Бибиковский бульвар. Скучно, но чистенько. А главное – пирамидальные тополя по обеим сторонам. Киев богат садами, но городской зелени на улицах почти нет, вся она за оградами. Поэтому по бульвару охотно гуляют любители променада.

Долетев с ветерком до запущенной Бессарабки, карета вывернула на Крещатик. Алексей Николаевич смотрел теперь во все глаза. Он не был здесь пять лет, и за это время улица весьма похорошела. Старые постройки все снесли, а на их месте выросли доходные дома с шикарными магазинами внизу. Множество извозчиков и прохожих, вывески, киоски с лимонадом – столица, да и только! Вагоны городской железной дороги пронзительно дренкали электрическими звонками, кричали уличные торговцы и разносчики газет. Шумно по-южному, не как в Москве или Питере, подумал Лыков. Известно, что в Киеве лучше всего весной или осенью. А теперь как раз май. Не ходить, что ли, сегодня к губернатору, а погулять? Ведь потом может и не найтись времени. Солнце светило мягко и приветливо, знаменитая киевская грязь уже подсохла. Деревья покрылись зеленой дымкой молодой листвы. Эх, служба...

«Континенталь» и правда был достоин похвал. Четырехэтажное красивое здание подпирало гору. Шикарное место на Николаевской улице, которой в прежний приезд сыщика еще не существовало. Интересно, кто выстроил гостиницу? Пароконные экипажи стояли вдоль всего фасада в ожидании седоков. Выбежал швейцар с галунами, как у гвардейского барабанщика, и втащил лыковский чемодан внутрь.

Там оказалось еще наряднее, чем снаружи. Мраморный пол, бронзовые с хрусталем люстры, из ресторана доносились дивные ароматы. Надворный советник взял номер на верхнем этаже. Восемь рублей в сутки! Хорошо, что он богат, а то бы никаких прогонов не хватило. Номер тоже порадовал. Вид из окна, правда, подкачал: никакой панорамы, сплошная зелень Липок. Ну да ладно.

Взяв ванну и позавтракав, он решил все же начать с визита к губернатору. Уж сделать дело, а потом гулять... Всяко перед отъездом время отыщется, зато налегке, без забот. Алексей Николаевич надел мундирный сюртук со старшими орденами и спустился вниз. С извозчиками в «Континентале» оказалось строго: никакой драки, клиентов разбирали в очередь.

Надворный советник поехал на Екатерининскую улицу, в дом номер десять. И опоздал. По словам дежурного чиновника, Трепов только что отбыл в Васильковский уезд и вернуться

⁶ *Открытый лист* – документ, обязывающий местные власти оказывать содействие командированному чиновнику.

⁷ Река Фечка.

должен был лишь завтра. По счастью, в приемной задержался правитель канцелярии Гудим-Левкович. Он не без развязности поинтересовался, что за дело у приезжего к губернатору. Лыков нахмурился:

– Я хотел сообщить об этом его превосходительству, а впрочем... Почему бы нет? Это касается заявления некоего Афонасопуло, оценщика из банка. Насчет аферизма.

– С обвинением в адрес Михаила Федоровича Меринга? – в свою очередь нахмурился чиновник.

– Да.

– Ну понятно. В столице решили, что раз зять, то любит взять? Как бы не так!

Надворный советник молча ждал пояснений. Гудим-Левкович не замедлил с ними:

– Это гнусный донос. Совершенно беспочвенный. И мы тут все возмущены, что уважаемого человека, так много сделавшего для украшения Киева, вдруг начали пятнать. Учтите, господин Лыков, мы его в обиду не дадим.

– А это как покажет мое дознание, – не удержался сыщик.

– Вы так полагаете? – усмехнулся правитель канцелярии. – Ну-ну...

Повернулся и ушел, не прощаясь. Вот наглец!

Алексей Николаевич задумался над таким поведением чиновника. Кажется, люди, близкие к губернатору, собираются защищать Меринга. Что ж, примем к сведению. Возможно, еще не раз ему в лицо скажут подобные слова. Начало плохое, что будет дальше? Пока же у сыщика неожиданно освободился почти целый день, и он решил посмотреть город.

Глава 2. Ах, Киев!

Все туристы ходят по Киеву одним маршрутом. Сперва непременно Лавра, потом Владимирская горка, а оттуда в Старый город. Завершается все Софийским собором и выходом на Крещатик. Обязательно ужин в ресторане с видом на Днепр... Но у Лыкова в Киеве было намечено два личных дела. Поэтому и маршрут он выбрал свой, отличающийся от обычного. Первое дело касалось его жены: сыщик собирался поклониться мощам святой великомученицы Варвары и поставить свечу за здоровье супруги. Здоровье Варвары Александровны вызывало его беспокойство, и он хотел попросить небесной защиты. Мощи, как известно, хранятся в Михайловском Златоверхом соборе. Идти дотуда от Царской площади было недалеко. Лыков переоделся в партикулярное платье, разменял у конторщика сотенный билет и отправился гулять.

Собор и одноименный монастырь надолго погрузили приезжего петербуржца в благоговейное состояние. Красота неопишуемая, никаким пером ее не передать. Храм назван так потому, что его купола были вызолочены – первыми на Руси. Древнее обветшавшее сооружение перестроили при Елизавете Петровне, и получился удивительный семикупольный храм в стиле барокко. Лыков уже бывал здесь раньше, но снова залюбовался и собором, и высоченной колокольной, и золотым двуглавым орлом на кресте главного купола. Есть легенда, что орла этого приказал поставить Богдан Хмельницкий, когда отдал Малороссию из польского владычества под русский скипетр. А серебряную раку для мощей святой Варвары подарил храму гетман Мазепа. Впоследствии ее заменили на более значительную, в которой было двадцать пять пудов серебра! Еще славится икона, поднесенная собору Александром Первым. Она посвящена покровителю Киева архистратигу Михаилу, повергающему дьявола. Написан образ на золотой пластине и украшен тремя тысячами бриллиантов. Сыщик не стал прикладываться к нему – в душе он считал, что сила образа не должна искажаться земными ценностями. А вот великомученице помолился от всей души. Пожертвовал как следует храму и купил супруге кипарисовый складень тонкой работы. Дай Бог пожить им вместе в любви и согласии подольше...

Выйдя из ограды монастыря, Лыков задумался. Куда пойти теперь? Второй его обязательной целью было увидеть самую старую икону на Руси – Успенья Божьей Матери. Образ известен с 1073 года и хранится в Великой соборной церкви в Лавре. Висит там под куполом на шелковых шнурах, и дважды в день монахи спускают его вниз, чтобы верующие могли приложиться. Но подвернувшаяся кстати старушка сообщила, что храм закрыт на ремонт. Икону на время спрятали, и увидеть ее сейчас нельзя.

Алексей Николаевич кручинился недолго. Он стоял в таком месте, что, куда ни пойдешь, везде хорошо! Чуть выше – Владимирская горка с памятником князю-крестителю, чуть ниже – Старый город с киевскими древностями, а еще дивное творение Растрелли – Андреевская церковь, а еще Крещатик под ногами, и Липки над ним... А из-за Липок сияет на солнце купол Лаврской колокольни... И надворный советник отправился в поход.

Он гулял по городу до самой ночи и выбился из сил. Киев необычайно горист, что крайне утомительно и для пешеходов, и для лошадей. Горбатый город! Даже пароконные повозки еле ползут по крутым спускам. Спусков всего четыре: Вознесенский от Житнего базара на Львовскую площадь, Андреевский с храмом над ним, Александровский с выходом на Царскую площадь и Николаевский, уходящий под Лавру, к мосту. Они соединяют верхний город с нижним, приднепровским.

Царская площадь является главным узлом для линий трамвая. От нее начинается Крещатик, постепенно дурнея и тускнея. За Бессарабкой он переходит в Большую Васильковскую, которая тянется аж до реки Лыбедь. Все новые красивые дома появились в последние пять лет, когда началась строительная горячка. Они сложены из местного светло-желтого кирпича, кото-

рый так хорош, что его не надо ни штукатурить, ни красить. По киевской моде только обводят каждый кирпич серой краской по контуру – получается живописно. Фасады густо покрыты мелкими гирляндами и веночками, часто посеребрёнными. И почти над каждым домом шатер или купол, в духе киевского барокко. Васильковская – это чисто торговая улица, уставленная магазинами для невзыскательной публики. Тут есть все то, что и на Крещатике, но цены значительно ниже. Окраина от Верхней Соломенки и до городской скотобойни называется Новое строение. Границей ее является железная дорога, по которой утром ехал Лыков.

Думская площадь, вторая после Царской, обставлена капитальными зданиями. Тут гостиница «Россия», городская Дума и знаменитая кондитерская Семадени. Сверху нависают Липки – аристократический район, самый зеленый в городе. Несколько тихих улочек с особняками, не различимыми из-за садов, составляют особый мир. В нем живет здешняя знать. Липки – место обитания последних оставшихся в Юго-Западном крае богатых помещиков. Они держатся сообща и формируют консервативную партию землевладельцев. Тут же дома генерал-губернатора, губернатора и командующего войсками округа.

В Липки врзается и несколько настоящих улиц. Самая главная из них – Николаевская, она красивее всех в Киеве по изяществу строений. Отсюда пошла та горячка, которая дала городу за пять лет тысячу новых каменных домов. Николаевскую начало застраивать то самое общество, которым управлял Меринг и которое Лыкову предстояло изучить. Пока же он любовался великолепными доходными домами и театром Соловцова. Неподалеку уходил в небо настоящий небоскреб высотой то ли в пять, то ли в шесть этажей. Он был еще в лесах, каменщики заканчивали выкладывать фасад. Другие важные улицы – Институтская и Банковая. На первой располагается Институт благородных девиц, контора Госбанка и официальная биржа (неофициальная квартирует в кондитерской Семадени). На второй – штаб Киевского военного округа.

Между Липками и Днепром уютно поместился небольшой Мариинский дворец с парком. Заложила его еще Елизавета Петровна, а перестроил Александр Николаевич. Когда в город приезжает государь, то останавливается здесь.

За Липками, ниже по Днепру, тянется Печерск. Это место облюбовали военные. Киевская цитадель уже потеряла оборонное значение, но еще оставалась монументальной. В полдень с ее вала стреляла сигнальная пушка – горожане могли сверять свои часы. Вот, пожалуй, и вся польза от крепости... Рядом расположены Арсенал с коллекцией старинного оружия и госпиталь на две тысячи коек, один из самых больших в России. На склоне горы Лыков обнаружил россыпь каких-то бутафорских домиков. Он с удивлением узнал некоторые из них – встречал в Нижнем Новгороде, на Всероссийской промышленной и художественной выставке четыре года назад. Не сразу, но сыщик разгадал тайну. Через год после нижегородской большую выставку провели и в Киеве. Видимо, из экономии строители купили в Нижнем часть стоявших без дела павильонов, и теперь они догнали здесь...

Печерск не весь захвачен армией. Так, на плацу мирное население завело ипподром. Неподалеку разбили виноградный сад монахи Лавры. Тут стоят Малый Николай – Пустынно-Никольский мужской монастырь – и Большой Николай – военный Никольский собор с высокой колокольней. От них идут дорожки к Аскольдовой могиле. Вокруг кладбище для местной элиты, и отсюда лучший вид на Днепр. На склоне древней Кловской горы – городская больница имени цесаревича Александра со скромным храмом. Есть большое частное садовое хозяйство. Но военный элемент преобладает. Даже сад здесь называется Комендантским! Армейские склады, артиллерийская мастерская, юнкерское училище и огромное хозяйство 3-й саперной бригады занимают большую часть предместья.

Угрюмые стены цитадели прорезаны трамвайными путями. Сразу за валами начинается Киево-Печерская Успенская Лавра. Еще одно легендарное место, где каждый квадратный вершок дышит древней историей. Лыков, стесненный временем, буквально обежал ее. Не удер-

жался, залез на колокольню – и долго не хотел спускаться. Высота – сорок три сажени и два аршина, плюс крест – всего выходит сорок шесть саженей⁸, на восемь выше Ивана Великого в Москве. «Братский» колокол весит 1638 пудов, часы играют каждые пятнадцать минут. Вид сверху такой, что захватывает дух. Алексей Николаевич разглядел даже Переяславль, до которого было девяносто верст!

Великая церковь действительно оказалась закрыта на ремонт. В пещеры сыщик не пошел, экономя время, ни в Антониевы, ни в Федосиевы. Его раздражало, что военные зачем-то обнесли их крепостной стеной... Притом всюду толкались богомольцы, создавали давку и мешали любоваться. В странноприимной гостинице Лавры в апреле-мае селится их до десяти тысяч человек. Паломники заполняют город, ночуют во всех садах и на вокзале, мусорят. Надворный советник поспешил убежать от серой неопрятной толпы. Заглянул лишь в один из древнейших храмов Киева, стоявший особняком за стенами Лавры – Спас на Берестове. По преданию, здесь был похоронен Юрий Долгорукий. Но оказалось, что его могила никак не обозначена, и питерец ушел разочарованный.

Той же железной дорогой Лыков вернулся обратно на Крещатик. И направился в Старый город. От Думской площади туда ведут рассыпавшиеся веером три улицы. Турист двинулся по Софийской и скоро оказался на одноименной площади. Вот оно, сердце древнего Киева! В центре высился несуразный памятник Богдану Хмельницкому. Надворный советник помнил, что изначально, по проекту Микешина, он выглядел иначе. Конь гетмана попирает тела еврея, поляка и иезуита... Лишь по приказу государя Александра Второго скульптор убрал эти фигуры. Еще долго не могли решить, куда направить хвост скотины. С одной стороны София, с другой – Михайловский собор, а с третьей – присутственные места: как ни поставь, все плохо. Еле управились.

Присутственные места сыщик оставил на потом: ему не миновать их по делам службы. Он загодя сдернул фуражку и отправился в Софийский собор. И застрял там надолго. Любовавшись «Нерушимой стеной» – запрестольным образом Богоматери, единственным не тронутым переделками с момента основания храма. В Софии низкий иконостас, и древняя девятисот-летняя кладка была хорошо видна. Лыков осмотрел все знаменитые мозаики: и Богоматерь, и Тайную Вечерю, поклонился праху Ярослава Мудрого. Только не полез на хоры, к древнейшей иконе Николы Мокрого – ноги уже и так гудели.

Выйдя на улицу, он снова задумался. Куда пойти теперь? Золотые ворота его не соблазнили еще с прошлого раза: скучные руины, обложенные современным кирпичом, торчат из-под земли... Вот Десятинную надо увидеть. И сыщик отправился к началу Андреевского спуска. От первого киевского храма остались лишь основания фундаментов. Нынешняя церковь возведена на них в 1842 году, но могилы князя Владимира, его матери княгини Ольги и жены княгини Анны не тронуты и находятся под полом. Рядом поставили шкаф с найденными при раскопках древностями. Лыков всегда интересовался археологией и надолго задержался возле экспонатов.

В стоящую через улицу Андреевскую церковь он не пошел, поскольку ту обезобразили строительными лесами. Но полюбовался видом на Подол. Сколько кораблей прилипло к днепровским пристаням! Почти как в Нижнем Новгороде в разгар ярмарки. Затем гость поймал извозчика и велел отвезти его на другой конец Старого города. На Бибиковском бульваре напротив Ботанического сада недавно возвели Владимирский собор. Алексей Николаевич обычно не ходил в новые храмы, он любил старые. Но тут особый случай. Собор расписали старший Васнецов, Нестеров и Врубель. Те, кто видел их работы, говорили о них с восторгом. Супруга наказала сыщику лично посмотреть и потом рассказать. Вот он и старался. Зрелище,

⁸ Почти 98 метров.

увиденное в храме, потрясло простую солдатскую душу Лыкова. Дал ведь людям Бог талант... Долго он бродил, любовался фресками и орнаментами, и только голод заставил его уйти.

Уже смеркалось, когда надворный советник вернулся в гостиницу. Город он знал плохо и не решился обедать где попало. В ресторане «Континенталь» его накормили вкусно и до отвала. Пришлось часик полежать на диване, пока уставшие ноги не отошли. Эх, возраст... В целом от Киева у туриста осталось сложное впечатление. Рассказы о его дивной красоте несколько преувеличены. Не город красив, а картины, открывающиеся с его смотровых площадок. Владимирская горка, Аскольдова могила, вид от Лавры за Днепр – все они восхитительны и не имеют равных в России. Немного это похоже на Нижний Новгород. Еще основатель Нижнего князь Георгий Всеволодович заметил сходство двух городов. Только на родине Лыкова сливаются Волга с Окой, а здесь за Трухановым островом – два рукава одного Днепра. Почайна тоже есть в Нижнем. И такой же высокий гористый правый берег, и плоский левый.

И все же Киев скорее разочаровал туриста. Грязно и пусто в нем. Кипит жизнью один Крещатик, а все другие улицы безлюдны. Площади, кроме Софийской, заставлены чем ни попадя. На Думской уродливые павильоны с обувью и фруктами и биржа извозчиков с ее руганью и теснотой. На Царской – безобразные будки с газетами и неопрятный вокзал городского трамвая. Другие площади (Бессарабская, Галицкая, Александровская, Львовская) заняты базами. Хорошо замощены лишь две-три улицы: на них не пожалели средств и выложили гранитными кубиками. Булыжные мостовые сделаны очень дурно, всюду ямы и выбоины, в которых пропадают даже здешние дрожки топорной работы. Электрические фонари только в центре, во всех остальных местах газовые и керосиновые. Казенные строения безвкусны и однообразны, кроме разве что строящегося музея древностей. Подол внизу у Днепра – как заурядный губернский город, без своего лица. Окраины – Лукьяновка, Шулявка, Приорка, Куреневка, Соломенка – глухие и опасные местности, где ночью лучше не гулять. Там сплошь деревянные домики, немощеные улицы, кирпичные заводы да угольные склады. И это столица края, мать городов русских...

Передохнув, Алексей Николаевич решил продолжить прогулку. Когда он вышел на Крещатик, уже стемнело. Электрического освещения оказалось на удивление много. Фонари фонарями, а каждая кофейня и каждый ресторан сияли огнями. Выпив чашку вкуснейшего кофея, сыщик взбодрился и отругал себя. Чего это он накинулся на дивный Киев? Богомольцы, вишь, помешали. Люди пришли поклониться святыням – что в том плохого? Окраины грязны и неуютны? Как будто за Нарвской заставой чище! Зато киевские храмы, зато ощущение тысячелетней истории – это ли не чудо? Он еще раз прошелся по Николаевской, и даже к Мерингу изменил отношение. Отличная улица, будто в Париже побывал. Жулик не жулик, а строит хорошо.

Лыков решил посетить знаменитые киевские сады, гулянуть там как следует и лечь спать. В Петербурге ему хвалили «Шато-де-Флер», увеселительный парк за Купеческим клубом и одноименным садом. Веселые сильфиды, шансонные певички, танцы до упаду, приличный ресторан. Но сначала сыщик поднялся к памятнику святому Владимиру. В столице много говорили о том, как красиво ночью горит крест, который держит в руке князь. Крест украшен лампочками, и благодаря этому его видно издалека. Гостя ожидало разочарование: лампы не горели. То ли испортились, и их не успели заменить, то ли повредился провод. На горке было темно, как в тюремном каземате, а внизу играла музыка и слышался завлекательный женский смех. И Лыков отправился в «Шато-де-Флер».

Действительно, место оказалось веселое. Не хуже московского «Эрмитажа» времен Лендовского. За вход брали пятнадцать копеек, много дешевле, чем в столицах. Две сцены – Открытый и Закрытый театры, площадка для духового оркестра, пивной и чайный буфеты, ресторан, а еще аллеи с клумбами, маленький прудик, лимонадные киоски. И всюду в огромных массах одинокие женщины на любой вкус. Между ними спокойно фланировали мужья

с женами и даже с детьми, лица всех сословий, студенты, военные. Удивительное место, где каждому было весело и покойно.

Лыков присмотрелся и увидел еще одно деревянное здание. Оказалось, что это вокзал⁹. Сцена с несколькими рядами стульев пустовали, а вот в галерее вокруг кипела жизнь. Перед вокзалом сыщик обнаружил бассейн, в котором плавало около дюжины порядочных стерлядей. Меж ними одиноко скучала черепаха-недомерок. Откуда здесь стерляди? Неужели они водятся в Днепре? Алексей Николаевич уже настроился на легкий ужин, и уха его устраивала.

Он вошел в галерею. Там был общий зал, а вбок уходили кабинеты. Турист уселся с краю, тут же к нему подбежал почтительный официант:

– Чего изволит ваша милость?

– Там у вас в бассейне рыба плавает, мне ее.

– Соблаговолите сами выбрать или как?

Лыков рассмеялся:

– Чего ноги бить? Принеси вершков на десять.

– Слушаюсь! А что вам подать, пока уха готовится?

– Давай водки здешнего разлива. Я приезжий, хочу попробовать вашу.

– Горилка на березовых бруньках подойдет-с?

– Да. Осетринки с хреном еще доставь, соленых огурчиков, чтобы хрустели, и каперсов.

– Слушаюсь. Все-с?

– Что-нибудь малоросское, из здешней кухни. Чего в Петербурге не бывает.

– Налистики с мясом изволите отвесть?

– А это что такое?

– Блины такие, вашество. Из тонкого теста, с начинкою. Их заливают сметаной и томят в печи. Пальчики оближешь!

– Неси.

Лыков не спеша ужинал и осматривался. Нет, зря он хаял Киев. Вкусно, весело, люди кругом доброжелательные... Соседние столики заняли компании мужчин и женщин, вполне порядочных на вид. Это друзья пришли отдохнуть семьями. За тонкой перегородкой южная ночь, запахи и звуки весны, где-то внизу Днепр течет... Хорошо!

Перекусив, сыщик отправился гулять дальше. В Закрытом театре шла пьеска «Любовь на кухне», в Открытом выступал венгерский танцевальный дуэт сестер Джельма. Еще обещали еврейского куплетиста Доброва и какую-то женщину-великана Карлей. Находившись и надышавшись свежим воздухом с реки, турист отправился в гостиницу. Только вышел из сада на Царскую площадь, как вдруг разом погасли все фонари. Оказывается, в Киеве уличное освещение поддерживается лишь до полуночи. Из дворов сразу же полезли на бульвар темные фигуры. Сыщик было напрягся, но потом увидел, что это проститутки. Они стояли у каждой подворотни и зазывали гуляк вглубь. А там могли прятаться их коты с финками! Но городской на площади был безмятежен. И криков, как это часто случается в Москве, не доносилось. Во дворах никого не грабили и договаривались полюбовно. Алексей Николаевич успокоился. Отмахиваясь от назойливых этуалей, он вернулся в номер и уснул как убитый.

---

⁹ Вокзал – увеселительное место с буфетом (устар.).

Глава 3. Находка в реке

Утром следующего дня надворный советник входил в кабинет губернатора. Генерал-майор Трепов был, как и его знаменитый отец, Федором Федоровичем. Лыков по своей службе в столице уже не застал папашу. Но много слышал о нем от чинов петербургской полиции, и плохого, и хорошего. Загадочное состояние, которое градоначальник сумел нажить на государственной службе, не давало покоя недоброжелателям. Махинации с конфискованными польскими имениями – это еще пустяки. Кто тогда в них не замарался? А вот то, что Трепов брал у императрицы ее личные деньги якобы на охрану государя – уже перебор. Но даже и эти суммы не объясняли, откуда у старого служаки на банковском счете накопилось три миллиона... И хотя бывший градоначальник давно умер, шлейф его темных дел тянулся теперь за сыновьями. Поэтому Лыков держал себя настороженно.

Губернатор оказался лысым и седобородым, но очень живым. Из двух Владимиров, что украшали его мундир, петличный был с мечами и бантом.

– Ну-с, зачем пожаловали к нам? – спросил Трепов, пожимая гостю руку. Хорошо так пожал, от души.

– Согласно распоряжения его высокопревосходительства господина министра внутренних дел. Прибыл провести дознание по письму некоего Афонасопуло. Насчет злоупотреблений в Киевском домостроительном обществе.

– Ах, это... – поморщился губернатор. – Никакое там не письмо, а форменный донос. Хочется же вам разбираться с пасквилями?

Командированный пожал плечами: мол, не я же выбираю себе поручения.

– Донос или правдивые сведения, но министр велел разобраться. Прошу оказать содействие в выполнении. Сыскная полиция не проверяла сигнал?

– Там и проверять нечего. Вы по городу успели пройтись?

– Успел, ваше превосходительство.

– Для вас Федор Федорович. Так вот. Если успели, то должны были увидеть. Раньше в Киеве бывали?

– Дважды, последний раз пять лет назад.

– Вот! – оживился губернатор. – Разницу заметили?

– Новые дома? Конечно. Соглашусь, что в последнее время город сильно похорошел.

– И это все Меринг. Не слышали про усадьбу его отца? С нее-то и началась наша строительная горячка.

– Не доводилось, Федор Федорович. Прошу просветить.

В приемной скопилось два десятка человек. Но губернатор, не принимая это во внимание, стал рассказывать:

– Старый Меринг был знаменитый в Киеве врач, природный немец. Тайный советник, между прочим! И друг великого Пирогова. Так вот. Лечил он, лечил много лет. Имел обширную практику. Но была у немца одна особенность, которая и сделала ему состояние. Жидов он почему-то пользовал бесплатно.

– Всех? – удивился сыщик.

– Нет, только бедных. Однако пользовал на совесть. Сам приезжал к ним в лачуги, если те не могли явиться на прием. Помогал с лекарствами, вел целые семьи от старого до малого. И жида платили ему... сведениями. Насчет купли-продажи городских имений.

– То есть как? Сообщали, кто что продает? Но это в газетах печатают. Какая в том польза?

Трепов оживился:

– Польза была, и немалая. Жида – ловкие факторы, они, как тараканы, пролезут в любую щель. Раньше других узнают, кто уступает, сколько хочет, как его обмишурить. И прежде чем хозяин догадывался дать объявление в газету, к нему уже являлся Меринг и предлагал куш.

– Ага... То есть доктор опережал других спекуляторов?

– Именно. Деньги от практики у него были, и сведения он тоже раньше всех получал. И составил себе, как тут называли, «киевское княжество» – огромную усадьбу в самом центре города, в нижних Липках. Вы спросите, откуда я это так хорошо знаю?

– Спрошу, Федор Федорович, – улыбнулся надворный советник.

– А он у моего отца тоже купил. Покойный батюшка, если не слышали, получил в подарок от государя большой участок. Как раз там, где сейчас улица Николаевская. Выстроил усадьбу с прудиком, а потом продал ее тайному советнику. Тот еще прикупил у соседей, и составилось о-го-го что, притом на Крещатике.

– Теперь понимаю. Эту усадьбу Михаил Меринг получил по наследству?

– Точно так. Старый доктор много накопил богатства. Хватило всем детям. Михаилу Федоровичу досталась как раз земля в городе. Но что с ней делать? Доходы от аренды небольшие, а участок огромный. Куда столько? И сын решил пустить его под строительство. Нашлись люди с капиталами...

– А кто именно, простите? – перебил губернатора Лыков.

– Главный там – знаменитый Марголин, – охотно пояснил тот. – Директор-распорядитель Объединенного пароходного общества, еще он занимается городскими трамваями, и освещением тоже. Денежный и энергичный человек, хоть и жид. Но из тех, без которых уже не обойтись. Коммерции советник, меценат, одно слово – туз. Еще вложились Петровский, богатый инженер, и Голубев, киевский чиновник. И пошло-поехало. Михаил Федорович предоставил землю, другие дали деньги. И родилась новая киевская архитектура. Кирпичные заводы как грибы полезли, каменщики приехали. Мне, губернатору, приятно это наблюдать, честно скажу. Поэтому и разозлился на доносчика. Люди город украшают, а он... Так вышло, что я хорошо знаю этого Афонасопуло и даже сам устраивал его в банк. Теперь неловко перед учредителями.

– Вы рекомендовали его Мерингу? – удивился Лыков.

– Говорю же: так вышло. Мы с его отцом служили когда-то вместе. Платоша вырос у меня на глазах. Вырос, следует сказать, беспутным. В военную службу не пошел, да и статская у него не задалась из-за склочного характера и нечистоплотности. В последний раз он явился сюда и просил дать хоть какое-нибудь дело. С голоду помирает, то да се... Я пожалел сдуру. Написал Анатолию Викторовичу Гудим-Левковичу, председателю правления двух банков, попросил устроить молодца. И вот благодарность! Теперь Гудима смотрит на меня волком. Черт бы подрал этого Платошу...

– В письме Витте он говорит, что писал вам о злоупотреблениях в банке, но ответа не получил.

– Да, Платоша прислал мне глупое письмо и просил о встрече. Я отказался принять его.

– Почему, Федор Федорович? Неужели вы не допускали мысли о том, что в банке Меринга может быть нечисто? В России где угодно сумеют украсть...

– Зная сына своего сослуживца и видя, как хорошеет Киев... Мне не нужно было присылать туда ревизоров, да и права такого у меня нет. Глупость все его доносы, повторю это еще раз. Не тратьте на них время.

– Но, Федор Федорович, согласитесь, что распоряжение министра я обязан выполнить. Хотя понимаю ваше отношение. Афонасопуло так и не нашли?

– Не нашли, – подтвердил губернатор. – Четыре дня, как он исчез, и ни слуху ни духу.

– А его ищут?

– И весьма старательно, но пока безрезультатно. На службу не явился, дома не ночует.

– Боюсь, тут случилось преступление, – Лыков поднялся с хмурым видом. – Уж не избавились ли от свидетеля?

Трепов фыркнул:

– Вот еще! А по-моему, он сбежал. Нашкодил и спрятался, чтобы не отвечать за свои слова.

– Надо открыть дознание.

– Да вы сядьте, сядьте. Дознание уже открыли, без вас. Я телефонирую сейчас полицмейстеру. Он все расскажет, приказ такой ему отдан. Ничего от вас не скроем, не волнуйтесь.

– А если здесь убийство?

Трепов дернул щекой:

– Экий вы быстрый насчет убийств. Сыщик, сразу видать. Я ведь, Алексей Николаевич, навел уже об вас справки. Знаю вашу манеру.

– У кого вы тут в Киеве могли спросить? – усомнился надворный советник. – И что у меня за манера?

– Спросил я как раз у полицмейстера, у Цихоцкого. Вы служили вместе с ним в Петербурге, так?

– Ну не вместе, – поправил Лыков. – Я чиновник Департамента полиции, а он был участковым приставом Адмиралтейской части, пока не перевелся сюда. Встречались несколько раз, однако близко не знакомы.

Цихоцкий был назначен киевским полицмейстером два года назад. До того он служил в Петербурге, и Лыков по службе имел с ним дело. Ушел Вячеслав Иванович со скандалом и особой памяти о себе не оставил. И вот теперь он командует здесь всей полицией.

– Что же касается вашей манеры, – продолжил Трепов, – то она ясна как день. Вам, чтобы отличаться перед министром, требуется обязательно преступление. Убийство, афера, громкие имена... Мы тут погрязли, а вы приехали и за неделю утерли нам нос. Так, что ли? Предупреждаю: я этого не потерплю! Помогать в честном дознании должен и буду, а вот въехать в рай на моем горбу не дам.

Лыков был уязвлен. Только что у них с губернатором шел нормальный разговор – и вдруг такие слова. Не потерплю, не дам, манера ваша известна... Что случилось? Про этого Трепова ходили слухи, будто он интриган. Мало ли что говорят, думал сыщик по дороге в Киев. И вот при первой же встрече ссора на пустом месте. Причем генерал-майор не выбирает слов и не удосуживается найти веский повод. Кинулся сразу, нахрапом. Хочет показать, что исход дознания должен его устроить, иначе будет конфликт. Ну-ну, посмотрим. Лыков уже давно служил в полиции, повидал всякое. Идти на поводу у местного князька он не собирался, но и ссор не искал. Пока надо принять к сведению. И перевести разговор в рабочее русло.

– Я думаю, нам пора кончать беседу, – ответил он сдержанно. – Пугать меня не стоит, это бесполезно. Что найду, то и сообщу министру. Если донос ложный, так и будет в рапорте. Манера же моя на самом деле другая... Это чтобы вы знали. Правду я найду обязательно. Если вам она не понравится – не взыщите. Подделывать ее под вас не стану. Телефонируйте полицмейстеру, там у вас в приемной полно людей...

Собеседники холодно расстались, и сыщик отправился к полицмейстеру. Тот встретил гостя смехом:

– Сколько лет, сколько зим, Алексей Николаевич. Зачем же вы нашего генерала напугали?

– Нервный он у вас какой-то. Только я предположил, что ваш свидетель не случайно пропал, тут и началось...

– Не обижайтесь на него. Большую карьеру делает, вот и опасается. Папаша в его возрасте уже имел личный доклад у государя, а сынок в Киеве застрял. Так что...

– Так что?

– Знаю, вы никого не боитесь, а то бы сказал: не ссорьтесь с Треповым.

– Я и не думал ссориться.

– Ну и слава Богу! А теперь давайте перейдем к делу.

– Давайте. Вячеслав Иванович, что же случилось с Афонасопуло?

– Исчез бесследно четыре дня назад. И это после его писем по инстанциям, благодаря одному из которых я сейчас имею удовольствие видеть вас здесь. Одним словом, пропажа подозрительна.

– Это я и сказал вашему генералу. А он сразу на дыбы.

– Треповский характер, Алексей Николаевич. Ничего не напишешь. Федор Федорович очень мнителен. Не удивлюсь, если он думает, что вы не просто так приехали, не по письму оценщика, а с ревизией его деятельности по тайному поручению недоброжелателей.

Надворный советник лишь покачал головой.

– Но давайте о делах, – продолжил полковник. – Мы начали дознание пропажи Афонасопуло. Детали вам расскажет мой помощник, пристав сыскной части коллежский асессор Желязовский.

– Поляк?

– Самый настоящий. Но служит хорошо и дело знает. В Киеве прежде много было поляков. Но после бунта шестьдесят третьего года их повывели. Северин Янович из тех, кто остался. Наши его, понятное дело, за глаза кличут Северьянычем, но побаиваются – требователен. Ну да сами увидите. Я вызвал его, жду с минуты на минуту. Не желаете ли пока чаю? Заодно расскажете, как там в Петербурге...

Два столичных жителя – прошлый и настоящий – успели попить чаю и поговорить о пустяках. Лыков никогда не был дружен с Цихоцким, но здесь, в его городе, держался вежливо и уважительно. Им теперь вместе познавать. Через десять минут явился наконец начальник сыскного отделения.

Желязовский оказался породистым мужчиной с крашеными, слишком черными волосами и усами цвета «соль с перцем». Элегантный статский сюртук, золотые запонки и гранатовая булавка в галстук, красивый профиль. Жилет так вообще с блестками. Не иначе дамский баловень, подумал неказистый Лыков. Поляк сразу заговорил о деле:

– Мы собрали справки об этом Афонасопуло и вот что выяснили. Игрок он! Винтит по крупному, иногда в долги залезает. Но всякий раз отдает, поэтому его ссужают.

– А кто ссужает? – уточнил питерец.

– Коллеги по банку.

– Но почему начальство допустило такое? – удивился Лыков. – Как можно держать в штате банка игрока? Мало ли что!

– Начальству оно, конечно, не нравилось, – пояснил пристав. – Но ведь Афонасопуло не с улицы взяли туда, а по рекомендации самого губернатора. Вот и приходилось терпеть... до поры до времени.

– Большими суммами его ссужают?

– До пятисот рублей.

– Ого! А велико ли жалование у оценщика?

– Мы это тоже выяснили, – без запинки ответил Желязовский. – Двести рублей, но еще проскакивают комиссионные, и немалые. Так что на игру у Афонасопуло средства имеются.

– Что за комиссионные?

– Так ведь ипотека. То купить желают, то продать... Афонасопуло имеет сведения, поскольку служит в банке, кредитующем строительные операции. Кроме того... – поляк споткнулся, но продолжил: – Кроме того, он помогает с кредитом.

– Вот как, – насторожился Лыков. – А это законно?

– Так они все грешат на сей счет. В каждом банке. Оценщики, кассиры, бухгалтеры. Разве что сторожа чисты. Незаконно, конечно. Но этого уж не исправить. Клиент, желающий получить ссуду, дает нужному человеку на лапу. Процент разный, но обычно около трех-пяти. Тот делится с кем надо. Ну и ссуда выдается без промедления...

– Ясно. Губернатор в разговоре сказал мне, что, по его мнению, оценщик сбежал. Испугался бури, которую поднял, и счел за лучшее скрыться. Какого мнения вы, господа? Согласны с его превосходительством?

Коллежский асессор покосился на начальника. Тот кивнул:

– Говорите как есть, Северин Янович. Чего уж там.

– Мы не согласны, – категорично заявил главный киевский сыщик. – Не с чего было оценщику так пугаться. Никому он не угрожал, и всерьез его писанину никто не принимал. Подумаешь, управляющий банка требует повысить оценку залога... Это у нас сплошь и рядом. Самое большее, что грозило Афонасопуло, – ссора с директорами и увольнение.

– То есть за такое не убивают?

Киевские полицейские дружно прыснули.

– Нет, не убивают.

– Куда же тогда делся наш писатель?

– Вот это загадка, – посерьезнел Желязовский. – Что-то с ним случилось, а что – мы не знаем. Он не запойный, службой не манкирует... Однако пока нет тела, говорить об убийстве преждевременно.

– И все же вы его не исключаете?

– Да, – вступил в разговор полицмейстер. – Но не из-за глупого доноса Афонасопуло. Он мог стать жертвой, так сказать, обычного преступления. Город у нас знаете какой. Случается всякое, в том числе и кровавые дела. Третий год в чемпионах ходим, эти его так...

В 1897 году Министерство юстиции обработало статистику преступлений по пятидесяти пяти крупным городам. И выяснилось, что Киев занимает среди них первое место! 649 преступлений на 10 000 жителей – больше, чем где-нибудь еще. Второе место досталось Ростову-на-Дону (595), а третье – Риге (467 злодеяний). Между тем средняя цифра по стране – 362 преступления на 10 000 населения. Тут скрыто некоторое лукавство, как водится со статистикой. Зловещая слава Киева малость подтасована. Убийств в городе случалось на треть меньше, чем в среднем по России, а краж – столько же, сколько и везде. Портили отчетность нарушения телесной неприкосновенности: грабежи и поножовщина.

– Как же вы так, Вячеслав Иванович? – не удержался командированный. Полицейстер как будто ждал этого:

– А что делать? По штату пятьсот семьдесят девять городских, а налицо лишь триста девяносто четыре! И околоточных некомплект.

– Почему же люди не идут?

– Денег потому что мало. Грузчик в гавани больше получает.

Желязовский поддакнул полицмейстеру:

– А в сыском отделении? То же самое. Мой годовой оклад – тысяча рублей. И то лишь потому, что я помощник полицмейстера по должности. А ответственность несоизмеримая. Околоточные надзиратели имеют по триста шестьдесят рублей, а городские и того меньше. Притом рискуют жизнью под ножами уголовных. Ну какой дурак пойдет? Удивляться надо, что не разбежались!

– Неужели нет никакого добавочного содержания? – усомнился Лыков.

– Есть, – ехидно сообщил пристав. – Губернатор ежегодно выписывает пять тысяч шестьсот семьдесят шесть рублей. Их и делим между собой, чтобы получить те жалкие цифры, что я вам назвал. Аж с восьмидесятого года эта сумма не меняется. Двадцать лет подряд. А преступность за это время выросла втрое!

– Почему?

– Потому, Алексей Николаевич, что население города растет. Сами знаете, что в стране делается, особенно на юге. Как на дрожжах! А в Киеве сложились особые условия. Три года назад Дума начала сразу несколько больших проектов. Связаны они были с речным портом и стоили городской казне огромных денег. Тысячи людей пришли сюда на работу. Просторабочие, землекопы, мостовщики. Не видели, что стало с гаванью?

– Нет, а что?

– Приезжему понять трудно, а киевляне знают: большое и важное дело сделали. Углубили дно в Оболонском заливе, вынутый грунт подсыпали и получили незатопляемый порт. С пакгаузами, пристанями, сухим доком для починки и зимовки пароходов. Раньше там все заливало в половодье.

– Северин Янович, – не удержался Лыков. – Сделали порт, я понял. А при чем тут рост преступности?

– А при том, что эти люди – тут их называют заробитчане – никуда не делись. Потребность в них кончилась, и заработки тоже, а они остались. Да еще богомольцы ежегодно являются сюда в огромных количествах.

– Эти-то чем не угодили?

– А то вы не знаете! Там не одни только божьи люди, там бродяги и всякий темный элемент. Каждый год из Киева уходит меньше паломников, чем пришло. Опять же, кризис в строительстве. Работы нет, пропитания, значит, тоже нет. И все, кто пришел и не ушел, начинают искать другое ремесло. Иногда берутся за нож.

Цихоцкий с другого фланга поддержал обработку приезжего:

– А чайные? Это же беда с ними. Когда городская Дума заметила, что много народа осталось без занятия, решили они устроить на средства благотворителей бесплатные чайные и столовые. Аж десять штук открыли по городу. И что в итоге?

– Что? – удивился Лыков. – Такие есть всюду, хоть в той же Риге.

– Не знаю, как в Риге, а у нас чайные стали рассадником зла. Лентяи и бездельники устроили в них клубы. Места они больше не ищут, а сбиваются в банды и обдумывают свои преступные замыслы. Прислуга с ними в сговоре и всегда готова купить покражу.

– Есть еще пригородные слободы, – опять встрял Желязовский. Питерец понял, что перед ним разыгрывают спектакль и роли заранее распределены. – Город растет не только численно, а еще и вширь. В последние несколько лет к Киеву присоединены Шулявка, Куреневка и Лукьяновка. Вот-вот добавят Демиевку и Соломенку. К городу тяготеют и левобережные слободы. А штаты полиции и размер содержания неизменны со времен Александра Второго.

– Вы бы там, в Петербурге, замолвили слово, Алексей Николаевич, – просительным голосом изрек полицмейстер. – Пропадаем же, вот ей-богу, пропадаем и скоро совсем пропадем.

– А какое сейчас в Киеве население?

– Мы насчитываем триста тысяч человек. А с богомольцами и приехавшими на контракты¹⁰ – все четыреста. Нас все время сравнивают с Ригой, уж не знаю почему. Там народу меньше, а полиции больше. И оклады жалования у них выше. Мы обратились в Министерство финансов, а от них толку шиш со шкварками. Говорят, пусть ваша Дума вам и помогает. А казна-де пуста.

Алексей Николаевич пояснил:

---

¹⁰ *Контракты* – ярмарка в Киеве, самая большая в Юго-Западном крае, проходила ежегодно в феврале-марте и собирала огромное количество приезжих.

– Так вышло, что я хорошо знаю рижские дела. Был там пару лет назад¹¹. Их полиция действительно имеет лучшее в сравнении с вами содержание. Ее финансирует городская Дума из собственных доходов. Бюджет полиции – двести восемьдесят тысяч рублей!

– О чем и речь, – оживился полковник. – Там немцы всем заправляют, умные богатые немцы. А у нас евреи. От них не добьешься. Их самих грабят чуть на каждый день, но помочь нам они не хотят. Вот, взгляните...

Цихоцкий вынул из стола заранее подготовленные бумаги.

– Я дам их вам с собой, в Петербург. Мы тут, простите, за любую возможность цепляемся. Все ж вы, Алексей Николаевич, чиновник особых поручений Департамента полиции. Где-то кому-то словечко да замолвите. Вот. Это цифры, а не просто плач турка. Длина окружности Киева – пятьдесят одна верста. Площадь – сто девятнадцать квадратных верст. И на все это меньше четырехсот городских... Чего же от нас требовать?

– Вы сказали, Витте игнорирует ваши письма? Почему? Неужели указанные цифры его не убеждают?

Полицмейстер ответил с крайним раздражением:

– А у нас и у них значения разные. Представляете? Они оттуда, с берегов Невы, будто бы лучше нас видят, каким стал теперь Киев. Мы числим в городе триста тысяч человек, а они на пятьдесят тысяч меньше. А площадь, по их мнению, и вовсе сорок четыре версты, вдвое меньше Риги. Безумные люди... Киев, Киев! Огромный город, столица края. И будто бы только половина Риги.

– То есть Министерство финансов не включает пригородные слободы в городскую черту?

– Да. Но ведь это глупость! Жители Демиевки или Никольской слободы лишь ночуют у себя дома. А днем все они здесь, среди нас. Как же можно их не учитывать?

– Конечно, глупость, – согласился Лыков. – Давайте ваши бумаги. Приеду в Петербург, попробую дать им ход. У Сипягина личные близкие отношения с Витте. Вдруг да получится убедить... Кроме того, я здесь как раз по просьбе Сергея Юльевича.

Киевляне сразу посерьезнели:

– Даже так?

– Да. Он просил Дмитрия Сергеевича разобраться с шумом вокруг вашего Меринга. Возможно, по итогам моей командировки я сам же и сообщу Витте, что узнал. Мы с ним немного знакомы.

Цихоцкий засуетился и опять полез в стол:

– Вот еще предложения по усилению штата с доказательствами. Вы уж, Алексей Николаевич, там дайте ход. А то как в бездонную пропасть: пишешь, пишешь...

Но Желязовский вдруг заговорил о другом:

– Так значит, министр финансов обеспокоен письмом оценщика? Мы, если честно, придаем ему гораздо меньше значения.

– С тех пор, как Софья Спиридонова стала Витте, его интересует эта женщина, а значит, и ее муж.

– Но ведь они почти не общаются, – возразил коллежский асессор.

– Это так, – подтвердил Лыков. – Они и раньше не очень ладили. Когда в восьмидесятых годах Витте жил у вас в Киеве, то приемную дочь видеть не хотел, и та воспитывалась в институте. Десять лет назад Сергей Юльевич перебрался в столицу, где и началась его сказочная карьера. Там он обвенчался наконец с Иваненко-Спиридоновой, и они вызвали Софью к себе. Вдруг мать ее внезапно умерла, и приемный отец остался один на один с приемной дочерью. Но, как я понял, отношения не сложились. Барышня Витте невзлюбила. К тому же он быстренько повстречал другую женщину. Витте поступил довольно порядочно: он взял Софью из Киева к

---

¹¹ См. книгу «Дознание в Риге».

себе в Петербург и обещал приданое. Как раз вовремя подвернулся Михаил Меринг и сделал предложение. Он состоит со своей женой в отдаленном родстве: их матери обе урожденные Иваненко. Но церковь брак разрешила, и Михаил увез Софью назад в Киев. Он уволился из Министерства финансов и начал операции с наследством. Для этих операций понадобились сначала акционерное строительное общество, а потом банк. И вот теперь до Витте стали доходить слухи, что Меринг ведет свои дела нечисто. И министр опасается, чтобы зять не втянул тестя-сановника в какие-нибудь аферы. У министра много врагов, и они охотно воспользуются любой сплетней, чтобы навредить ему. Поэтому я здесь.

Киевляне слушали внимательно. Хотя у Лыкова сложилось впечатление, что он не сказал им ничего нового...

– Так что Афонасопуло надо найти, – подвел итог надворный советник.

– Ах да, Афонасопуло, – спохватился полицмейстер. – Северин Янович, сведите нашего гостя с тем, кто занимается у вас дознанием об его пропаже. Я правильно помню, это Асланов?

– Точно так, господин полковник.

– Вот и проводите. Ничего не утаивать, оказать полное содействие. Алексей Николаевич еще, может быть, послужит чаяниям киевской полиции...

Два сыщика вышли из громадного здания присутственных мест. Пристав объяснил, что идти им в соседний подъезд. Сыскное отделение помещалось на третьем этаже Старокиевского полицейского участка, что на углу Большой Владимирской и Большой Житомирской.

Лыков спросил Желязовского:

– Что за фамилия такая – Асланов? Он нерусский?

– Из крымских татар.

– А кто он по должности?

– Тут, Алексей Николаевич, надобно пояснить.

– Так поясните.

– По штатам сыскного отделения, кроме меня, других чиновников не полагается.

– То есть как? – удивился Лыков. – А кто ведет канцелярию, регистрацию и учет?

– Городовые.

– Не понял, простите. – Питерец остановился и прихватил киевлянина за рукав. – Что, и помощника даже нет?

– Нет.

Алексей Николаевич пригляделся к коллежскому асессору, потом отвел его в сторону.

– Пожалуйста, сообщите мне весь ваш штат.

– Двадцать три человека. Из них чиновник один я да еще два околоточных надзирателя.

И двадцать городовых.

– Простых городовых? Это и есть ваши сыщики?

– Точно так. Четверо из них, так сказать, бюрократы. Один заведует столом личного задержания, другой – столом наблюдения и справок, третий – столом происшествий и регистрации, четвертый ведет все делопроизводство.

– Сколько же они жалования получают за такую службу?

– Двадцать пять рублей шестнадцать копеек в месяц.

Лыков некоторое время обдумывал услышанное. Потом потряс головой:

– Этого не может быть.

– У нас может, Алексей Николаевич.

– М-да... А остальные чем заняты?

– Два околоточных руководят дознаниями. И шестнадцать городовых у них в прямом подчинении. На этих все: наружное наблюдение, агентурное осведомление, аресты и задержания, розыск похищенного, предупреждение преступлений.

– Асланов – один из двух надзирателей?

– Да. Я разбил сыскных городских на отряды, каждым командует свой околоточный. Дело Афонасопуло ведет Спиридон. Сейчас я вас с ним познакомлю. От себя скажу, что человек он восточный, хотя и крещеный...

– Сменил веру?

– ...и весьма способный к сыскной работе. Держит всех в кулаке. Сведениям Спиридона Федоровича можно доверять.

Сыскное отделение занимало целый этаж, недавно надстроенный. В комнатах еще не выветрился запах краски. Сыщики-городовые почти все были в партикулярном платье. Это чтобы не бросаться в глаза, пояснил Желязовский, сам одетый, как варшавяк-шеголь...

Он вызвал Асланова в кабинет. Это оказался рослый плотный мужчина, смуглый, с вкрадчивым взглядом. Лицо у него было веселое и лихое. Присмотревшись, питерец понял, что веселого там было немного. Скорее внутренняя, тщательно скрываемая свирепость. Надзиратель больше походил на абрека, нежели на слугу закона. Густые, загнутые вверх усы делали его по-своему симпатичным. Что-то киевские сыщики сплошь красавцы...

Желязовский представил гостя и приказал ознакомить его с ходом дознания. Надзиратель сделал короткий толковый доклад. Из него следовало, что Афонасопуло мог стать жертвой грантовщиков¹² Никольской слободы. Проведенными мероприятиями установлено, что оценщик по образу жизни игрок. А крупная, разрешенная законом игра в Киеве ведется всего в нескольких местах. Среди них Купеческий клуб и рестораны «Эрмитаж» и «Босфор» на Трухановом острове. Во всех этих заведениях Афонасопуло хорошо знали – и пускали неохотно. Оказалось, он задержал платежи по долгам. И хотя потом отдал, ему рекомендовали больше не приходить. Но маньяк уже не мог, видимо, обходиться без зеленого сукна. И он стал посещать четвертое место, самое нехорошее – клуб-варьете «Венеция» в Никольской слободе.

Заодно Асланов объяснил командированному, что такое эта слобода. Она расположена на левом берегу Днепра, напротив Николаевского цепного моста. Начиналась как предмостное укрепление, а потом стала крупным пригородом с разнородным населением.

– В чем ее соль? – спросил Лыков.

Надзиратель ответил:

– Административно это уже не Киев, а Черниговская губерния. Надеюсь, ваше высокоблагородие понимает...

Надворный советник, разумеется, понял. Уголовные с того берега делают налеты на город, а потом возвращаются к себе в слободу. И киевская полиция теряет их из виду. А черниговская пока получит от соседей запрос, пока сообразит, что ответить... Глядишь, еще кого-нибудь зарежут.

– Весь левый берег напротив Киева относится к Остёрскому уезду упомянутой губернии, – продолжил Асланов. – Слобод несколько: Поварская, Предмостная, Воскресенская и самая криминальная – Никольская. Силы полиции в уезде, сами знаете, невелики. А населения двадцать тысяч. Сообщение с Киевом обычно пароходами и по мосту. Но сейчас мост перестилают. Он висел на цепях, а теперь будет находиться на новом прочном основании. Пешеходов и экипажи пускать запретили. Теперь лишь по воде. Вот наш герой и шастал туда-сюда чуть не каждый вечер.

– Как вы это выяснили? Нашли перевозчиков?

– Так точно, ваше высокоблагородие.

– Называйте меня Алексей Николаевич. А вы неужели по отчеству Федорович?

Татарин усмехнулся:

– Папашу моего звали Файзула. Но тут переделали по-своему. Я уж привык.

– Понял, Спиридон Федорович. Перевозчики опознали Афонасопуло?

---

¹² Грантовщик – то же, что и гайменник: разбойник.

– Да, я предъявил карточку. Билетеры судов в один голос сказали: был такой, часто ездил. Вечером в слободу, а ночью, на последнем пароходе – в Киев. Не любовь же он там крутил. Играл, понятное дело.

– Думаете, его там же в слободе и приткнули?

– Могли там, могли и в другом месте. Надо тело искать.

Надзиратель покосился на Желязовского. Пристав скривился:

– В этой точке мы со Спиридоном не сошлись. Я считаю – и полицмейстер вместе со мной – что рано хоронить Афонасопуло. Вдруг накопил карточных долгов да и ударился в бега? Нет тела, нет и дела.

– Знакомая песня, – мрачно прокомментировал Лыков. – Все время ее слышу. А вы, Спиридон Федорович, готовы спорить с начальством?

И тут татарин его удивил.

– Готов, – ответил он.

– Давайте аргументы.

– Доказательств, верно, нет. Пока труп не найдем, все догадки. Но ожидания у меня самые дурные. Думаю, здесь убийство. А тело надо искать в Днепре.

Коллежский асессор даже присвистнул.

– Почему именно в Днепре? – спросил он.

– Таков обычай у наших головорезов, – спокойно парировал надзиратель. – Концы в воду. Всегда оно эдак-то делалось.

– Опомнись, Спиридон! – повысил голос Желязовский. – Что приезжий человек об Киеве подумает? В прошлом году было девять убийств, и все наше отделение раскрыло. И правда, два тела в реке отыскали. Но еще семь – где попало, даже в Лавре жмурика нашли.

– Девять убийств – это по официальной отчетности, – как ни в чем не бывало возразил Асланов. – А сколько людей пропало без вести? Больше пятидесяти. И считаю, все они там, в Днепре.

– Да почему же?! Утопленники имеют привычку всплывать, если ты не знал. Нету в городе полста утопленников!

– В городе нет, потому что их течением вниз сносит.

– Что, прямо до Черного моря? Или только до днепровских порогов? Ну ты чудак, а еще сыскной надзиратель.

Асланов обратился к Лыкову:

– Напротив города Черкасы, это двести верст ниже Киева, тянется полоса из водяных мельниц. Там их множество. Вот под ними все наши пропавшие и покоятся.

– То есть? Их размалывает лопастями?

– Именно так, Алексей Николаевич. Много тел, конечно, всплывает раньше. На быках моста часто их находят, или в паровозных колесах. Еще место, куда часто выбрасывает утопленников, – это Святославов брод. Иначе его называют Рудиново-Стайковские мели, шестьдесят верст ниже Киева у села Витачева. А кто доплыл до Черкас, того уж не ищи. Мельницы там стоят по правому берегу, и течение такое, что выносит тела прямо к ним. Представьте себе больше ста мельниц в одну шеренгу. А тело уж того... раздулось и подгнило. Его рвет на куски, а что остается, падает на дно и съедается рыбами.

Лыкова передернуло:

– Вы очень живо это обрисовали...

– Что ж делать, если так оно и есть?

Пристав желчно прокомментировал:

– У надзирателя Асланова богатое воображение. Полицейское начальство не разделяет его страшилок.

– Мне его версия представляется вполне убедительной, – возразил надворный советник. – Вы осматривали береговую полосу?

– В черте города это ни к чему. Случись утопленник, его сразу заметят. Внизу ежи, там не знаю.

– Предлагаю проверить все сводки о найденных неопознанных телах ниже Киева, вплоть до Черкас.

Желязовский пожал плечами:

– Если вы считаете нужным...

– Считаю, Северин Янович. Распорядитесь, пожалуйста.

Догадка надзирателя неожиданно подтвердилась уже на следующее утро. В колесо парохода «Десна», проплывавшего мимо народных купален, угодило тело мужчины. Его отвезли в анатомический покой при Александровской больнице. Лыков с Аслановым приехали туда и осмотрели труп в присутствии врача. Околоточный по фотокарточке опознал в утопленнике Афонасопуло. Хотя тело сильно раздулось, характерные черты лица не изменились. Доктор отказался дать определенное заключение о причинах смерти. Тело было сильно помято лопастями колеса, руки и ноги сломаны, голова пробита. Алексей Николаевич потребовал вскрыть легкие, и выяснилось, что воды в них нет. Значит, оценщика в Днепр бросили уже бездыханным!

Полицейские, не откладывая дело в долгий ящик, поехали на Лабораторную. Оказалось, что квартиру Афонасопуло еще не обыскивали. Спиридон Федорович вызвал помощника пристава, взял в понятия дворника с коридорным и произвел досмотр. Ничего интересного обнаружить не удалось, кроме одной расписки. В ней незнакомым почерком было накарябано: «Дано мною, Гершко Кутиком, 200 (двести) рублей Платону Ивановичу Афонасопуло в счет оценки принадлежащего мне на праве собственности здания в Новом строении по улице Полицейской номер три. Указанный Афонасопуло согласен, что, в случае получения мною ссуды в Городском кредитном обществе менее двадцати тысяч рублей, он, Афонасопуло, возвращает мне уплаченную сумму в 200 (двести) рублей». Ниже другой рукой было дописано: «Я, Платон Афонасопуло, подтверждаю обязательство вернуть двести рублей Гершко Кутику, если он не получит в банке ссуду от двадцати тысяч рублей под залог своей недвижимости по Полицейской улице».

Лыков прочитал расписку и развел руками:

– И он еще писал кляузы? Ведь это же взятка!

– Конечно, – согласился надзиратель. – И заметьте вот что: банк другой, не тот, в котором служил покойный.

– Действительно, он числился в Киевском частном коммерческом, а тут какое-то кредитное общество. Что вы о нем скажете, Спиридон Федорович?

– Это второй из здешних банков, который широко ссужает жилищное строительство. А председатель правления там Шлейфер.

– Как? Тот самый? – удивился надворный советник. – Который с Мерингом состоит в одной лавочке?

– Тот самый, – усмехнулся татарин. – У вас в таких случаях говорят: рука руку моет.

– М-да... В письме министру внутренних дел Афонасопуло обвиняет Шлейфера в сговоре с Мерингом. А сам при этом берет деньги с клиентов за то, что завышает стоимость залога. Ведь две сотни ему дали именно за это.

– Конечно. В расписке прямо сказано: если ссуда будет маленькой, не такой, какую хочет Кутик, то деньги возвращаются.

– Вот только почему она оказалась у оценщика? – усомнился питерец. – Логичнее было бы найти ее у займодавца.

– Да просто написали в двух экземплярах, – предположил киевлянин. – Этот достался покойнику.

Лыков подумал и спросил о другом:

– Можно ли верить доносу такого человека?

Асланов пожал плечами:

– А это уж вам решать, Алексей Николаевич. По мне, так все они жулики, кто занимается жилищным строительством.

– Давайте поделимся, – принял решение Лыков. – Вы продолжайте дознание по факту смерти оценщика. Теперь ясно, что она была насильственной. Потормошите агентуру: чьих рук дело? А я пойду в банки, в оба. Там где-то другой конец, я потяну за него.

– Слушаюсь, ваше высокоблагородие Алексей Николаевич!

Глава 4. Киевские банки и все, что вокруг них

Прежде чем идти в кредитные учреждения, Лыков попросил полицмейстера о консультации. Цихоцкий свел сыщика с господином Подгайным, заведующим строительным отделением городской управы.

– Михаил Онуфриевич, – обратился к нему питерец. – Введите меня в курс дела. Говорят, здесь развиты махинации с оценкой заложенного имущества. Все в банках покупается, можно халупу заложить, как дворец, если дать взятку оценщику.

– Не верьте, – отмахнулся тот. – Болтовня это, досужие разговоры. Наша управа давно навела в городском имуществе порядок.

– Неужто?

– Именно так, и зря изволите иронизировать, – обиделся Подгайный. – Главная статья дохода городского бюджета – оценочный сбор с недвижимых имуществ. У нас все строго! Городская недвижимость ежегодно переоценивается. Существует тридцать шесть видов жилья. У каждого своя величина налога, в зависимости от месторасположения, сохранности и доходности. Вот такие простыни составляем! До пятнадцатого апреля каждый владелец должен сдать в управу специальную ведомость. Там все, вплоть до списков жильцов с размером квартирной платы. Стоимость имущества определяют присяжные ценовщики, работающие от управы. Как же вы тогда переоцените его для банка? Тот сам ничего и делать не станет, а попросит нашу ведомость. Мы охотно сотрудничаем с кредитными комитетами.

– Но как же махинации?

– Я же говорю: досужая болтовня. Только тот, кто не знает городских порядков, может сочинять такую глупость.

– Странно. Хорошо, пойдем дальше. Говорят, жилищным строительством в Киеве заправляют евреи и все построено на гешефтах.

– Тоже вранье.

– Но вот тот же Шлейфер: сидит и в банке, и в кредитуемом им обществе.

– Прежде всего, Георгий Павлович Шлейфер не еврей, а природный немец. Кстати, так же, как и Михаил Федорович Меринг – отец его приехал в Киев из Саксонии. А немцы – нация аккуратная. Что же до двух кресел под одним человеком... И что тут преступного? Вон Анатолий Викторович Гудим-Левкович. Он председатель Киевского частного коммерческого банка и одновременно Южно-Русского промышленного банка. И все довольны.

– Гудим-Левкович? О котором мне говорил Трепов? А кем он приходится правителю канцелярии губернатора?

Цихоцкий весело хохотнул:

– Там не поймешь. Гудимов этих видимо-невидимо. Куда ни сунься, найдешь кого-нибудь из рода. Даже в Петербурге есть!

– Имеется один, – согласился надворный советник. – Павел Константинович, генерал-лейтенант. Управлял Кабинетом Его Императорского Величества, а в январе переведен в Госсовет. Но вернемся к банкам. Выходит, у вас тут все переплелось: одни и те же люди и выдают деньги, и получают их?

– Это кто же? – опять влез Цихоцкий.

– Да ваш Меринг. Он директор частного коммерческого банка, и он же председатель правления домостроительного общества. Сам себе ссуды подписывает? А второй – Шлейфер. В Городском кредитном обществе он председатель правления, а в домостроительном – директор-распорядитель.

Подгайный обиделся за земляков:

– Шлейфер – выдающийся архитектор. А Меринг – гениальный финансист. Вы хоть представляете, что он сделал для украшения Киева? Слыхали про усадьбу его отца?

– Только о ней и твердят который день, – ответил сыщик. – Но изложите и вы свою версию.

Он уже понял, что интересующее его дело связано с этой усадьбой, и решил собрать о ней побольше сведений.

– Что получить землю Мерингу-старшему помогли благодарные евреи, я знаю от губернатора. Давайте то, что не знаю.

– Охотно, – согласился Михаил Онуфриевич. – Начнем с азов. Старый доктор умер в восемьдесят седьмом году. И чтоб вы представляли, господин приезжий из столицы, похороны его проходили так. Отпевали почтенного человека сразу три священника: православный, лютеранский и еврейский. Слышали вы когда-нибудь о таком?

– Нет, – сознался сыщик. – Это в знак уважения?

– Конечно. Чтобы Федор Федорович точно попал в рай, хоть в какой-нибудь. Настолько киевляне были ему благодарны. Но помимо хорошей памяти он оставил и солидное состояние. А еще двух сыновей и дочку, не считая вдовы.

– Как поделили наследство?

– Деталей я не знаю. Одному брату достались загородные имения, он теперь сахарозаводчик. Дочке тоже отвалили капитал. А вот городская усадьба шесть лет назад отошла Михаилу. В ней насчитывалось более двадцати восьми тысяч квадратных сажен. Больше всего Меринг-старший купил у Трепова-старшего. Во время кампании по обрусению Юго-Западного края много что отобрали у поляков. Вот государь и подарил бывшему градоначальнику Петербурга огромный кусок между Шелковичной, Крещатиком и Институтской. Трепов был делец и прихватил еще семь тысяч сажен у жандармского дивизиона. На каком основании – это тайна, но незаконный при государе-освободителе, сами знаете, было много. Так вот. Трепов продал свой участок доктору за сто двадцать тысяч рублей. А тот незаметно-незаметно прикупил все другие участки вокруг. И у аптекаря Эйсмана, и у графа Януша Ильинского, и даже бывшую усадьбу канцлера Безбородко. И появилось «киевское княжество». Старик не знал, что ему делать с таким количеством пустопорожней земли. Часть он отдал в аренду под цирк, еще часть застроил домами – это по улице Банковой. А потом взял да и помер.

Муниципальный служащий перевел дух и попросил у хозяина чаю. Цихоцкий распорядился. Сделав добрый глоток, Подгайный продолжил:

– Сначала наследники – они тогда еще совместно владели усадьбой – предложили управе застроить все новыми домами. Город получил бы за выдачу разрешения почти шесть тысяч квадратных сажен в собственность. Вопрос вынесли на заседание Думы, и она отказалась.

– Почему? Такое место!

– Гласные побоялись расходов. Мощение, ремонт и освещение новых улиц легли бы на городской бюджет. И тогда сыновья Меринга выставили усадьбу на продажу целиком, за миллион восемьсот тысяч рублей. Желających с такими капиталами не нашлось. Затем по раздельному акту усадьба отошла в единоличную собственность Михаила Меринга. И он выступил учредителем Киевского домостроительного общества с уставным капиталом миллион восемьсот тысяч рублей. Общество купило у него весь участок. Точнее, часть дало деньгами, а часть – своими акциями. Уставная деятельность такая: покупка и аренда домов и земли, жилищное строительство.

– Вы говорите: общество купило. Откуда оно взяло деньги на это?

– Разместило свои акции, откуда же еще! Одна акция стоит тысячу рублей, обращаются они на бирже. Но контрольный пакет у группы деловиков, и сразу он был у них.

Лыков напряг память:

– Это те, о которых мне говорил губернатор? Петровский, Голубев, Марголин?

– Изначально они плюс сам Меринг четвертым. Но очень скоро Голубев вышел, а его место занял упомянутый Шлейфер.

– Так. Михаил Меринг предложил группе богачей создать общество, сброситься деньгами и купить у него землю для жилищного строительства, – стал уточнять сыщик. – Но сам остался в обществе большим акционером и даже председателем правления. Это ему как удалось? Продам и езжай кутить в Монте-Карло!

– Он же не все получил деньгами, часть акциями, – пояснил собеседник. – А председателем его поставили совладельцы.

– То есть он взялся застроить свои же бывшие земли?

– Да. Меринг – опытный финансист, служил с Витте. А строительными вопросами ведаем Шлейфер, он профессиональный архитектор.

– Хорошо. Что общество сделало с землей?

– Оно разбило ее на участки. Всего получилось двадцать семь участков площадью от двухсот восьмидесяти до тысячи семисот квадратных саженей. Часть общество выставило на продажу, а часть стало осваивать само. Гостиницу «Континенталь», театр Соловцова и здание Южно-Русского промышленного банка поставили Меринг со Шлейфером. Ну и несколько доходных домов. Другие участки застроили покупатели. Платили по тысяче рублей за десятину. Всего на месте усадьбы вышло четыре улицы: Николаевская, Ольгинская, Меринговская и Новая. И одна площадь, Николаевская. Самые красивые сейчас во всем Киеве.

– Гостиница, театр и банк по сию пору принадлежат домостроительному обществу?

– Здание банка выкупили владельцы. А гостиница с театром да, и доходные дома тоже.

– Говорят, в Киеве теперь строительный кризис, – задал Лыков давно интересовавший его вопрос. – Как он сказался на деле Шлейфера и Меринга? Может быть, сейчас им приходится идти на те махинации, о которых писал Афонасопуло? Завышать цену залога, выдавать самим себе деньги без обеспечения...

– Про письма Афонасопуло я ничего не знаю, – пожал плечами муниципал. – А дела у домостроительного общества идут хорошо. Они успели снять сливки, поскольку забрали лучшие земли. Вот на Ольгинской и на Меринговской, говорят, спрос упал. Застройщик не может продать уже готовые квартиры. А на Николаевской лучше некуда.

– Так ли?

– Зря беспокоитесь, господин Лыков, – махнул рукой Подгайный. – Домостроительное общество устойчивее любого банка. С их-то активами! Понадобятся средства – продадут или гостиницу, или один из доходных домов.

Надворный советник поднялся, протянул консультанту руку:

– Благодарю, Михаил Онуфриевич, за исчерпывающую справку.

Тот удалился, а сыщик обратился к полицмейстеру:

– Вячеслав Иванович, стало яснее, но я все равно должен увидеться и с Мерингом, и со Шлейфером. Окажете содействие?

– Конечно, Алексей Николаевич. Дайте мне сегодняшний день. Вечером сообщу, что у меня получилось. Вы хотите здесь же, в моем кабинете?

– Нет, можно у них в банке. В том, где Меринг.

– Тогда это проще.

До обеда Лыков занимался своим устройством. Цихоцкий приказал поселить его на явочной квартире сыскного отделения, чтобы не тратить казенных денег. А еще выдать служебный билет на бесплатный проезд в трамвае. Вообще полицмейстер был внимателен и доброжелателен. Видимо, надеялся получить в лице столичного чиновника себе союзника в борьбе за средства. Полиция Киева действительно жила в ненормальных условиях. Штатные вакансии сознательно занимали не полностью, чтобы сэкономленные средства раздать городским и тем хоть как-то улучшить их мизерное содержание. Сыскное отделение не имело даже вольнонаемных

агентов – на них не хватало денег. Текучесть кадров в отделении поражала. За год половина состава или уволилась, или была отчислена за нарушения по службе. Тупое упрямство Министерства финансов много вредило делу. Алексей Николаевич решил, что обязательно поговорит с Витте о киевских тяготах. Он не сомневался, что министр захочет лично выслушать его доклад.

Витте познакомился с Лыковым на Всероссийской выставке 1896 года. Потом они встречались еще раз, когда сыщик дознавал злоупотребления в Московском промышленно-купеческом банке. Сановник относился к сыщику с уважением, хотя и немного снисходительно. Посмотрим, что он скажет, когда речь пойдет о приемной дочери...

Алексей Николаевич переехал на Бульварно-Кудрявскую, к астрономической обсерватории. В домике жил отставной фельдфебель со звучной фамилией Вертипорох. За небольшую плату он помогал сыщикам, устраивал на своей квартире встречи с агентурой. Над башенками обсерватории нависала гора с корпусами общежительного женского Покровского монастыря. Самый новый в городе, он был устроен силами великой княгини Александры Петровны, жены Николая Николаевича Старшего. Княгиня удалилась от мужа, прижившего кучу детей с танцовщицей, и поселилась в Киеве. Свою нерастраченную энергию она тратила на обитель, в частности устроила там бесплатную лечебницу для бедных. Великая княгиня скончалась в апреле, только-только отметили сороковой день ее кончины, но осиротевшие лечебница и обитель трудились в полную силу. Мимо домика Вертипороха тянулись в гору вереницы убогих. Вообще, улица оказалась неудобной, слишком людной. Она соединяла два базара: Галицкий и Львовский. Евреи-факторы, крестьяне с товарами, просторабочие с топорами целый день слонялись под окнами. Кое-как перетерпев вечер, на другой день Лыков переехал в номера Гладынюка на Фундуклеевской. Там было спокойнее и ближе к центру. Вдвое дешевле, чем в «Континентале», между прочим. А комфорт и выучка прислуги ничуть не хуже. Вместо первоклассного ресторана, правда, буфет. Но когда новый постоялец раз отобедал там, то больше уже никуда не ходил, старался есть у Гладынюка.

Сыщик ждал письма от полицмейстера и обдумывал то, что услышал. Подгайный его не убедил. Факт оставался фактом: Михаил Меринг выдавал ссуды сам себе. У воды да не напиться? И махинации с залогом вполне возможны, об этом говорит расписка в квартире Афонасопуло. Видимо, Цихоцкий хочет лакировать сведения о строительных делах и для этого подвел к приезжему правильного специалиста. Значит, следует теперь найти неправильного.

Однако Лыков чувствовал себя не в своей тарелке. Банковский мир ему был мало знаком, а тут залоговые акты, онкольные ссуды, соло-векселя и загадочный домовладельческий кризис. Помимо доки-строителя, который расскажет о киевских тайнах, нужен еще финансист. Сторонний, не от Цихоцкого, но компетентный. Где бы такого раздобыть?

Наконец принесли записку от полицмейстера. Столичного сыщика приглашали в частный коммерческий банк в половине третьего пополудни.

Банк располагался в собственном очень приличном доме по Левашовской улице. Служитель с медалями провел сыщика наверх, в кабинет директора. Там поджидали два господина.

– Михаил Федорович Меринг, – представился первый, стройный, с офицерскими усами и ранней сединой на висках.

– Георгий Павлович Шлейфер, – назвался второй, в очках в золотой оправе, делавших его похожим на ученого.

Трое мужчин уселись за стол. Хозяева изучали гостя, а тот – хозяев. Первым заговорил Меринг:

– Скажите, поручение вы получили от самого Сергея Юльевича?

– Ну что вы, для этого я слишком малозначительная фигура. Даже не от Сипягина. Поручение с его слов мне передал директор Департамента полиции Зволянский.

– Но телеграмма губернатору подписана министром... – как бы про себя добавил Шлейфер.

– Давайте сразу к делу, господа, – предложил сыщик. – Вы зря гадаете, кто меня послал и каков уровень моих полномочий. Я – чиновник особых поручений. Приехал как раз с таким вот поручением. Витте обеспокоен и хочет разобраться. Помогите мне успокоить его, и дело сделано.

– Чем же он обеспокоен? – вскинулся Меринг. – Мне тесть ничего такого не говорил.

– А Сипягину сказал.

– И появились вы?

– Да. И не надо кривиться, я сюда не рвался, и мне не больше вашего нравится причина поездки.

Киевляне помолчали.

– Но, поскольку поручение дано, я обязан его выполнить. Вы оба заинтересованы в том, чтобы правда была установлена. Если вам, конечно, нечего скрывать.

– Нам совершенно нечего скрывать, Алексей Николаевич, – сказал архитектор. – Вы позволите называть вас так?

– Конечно, Георгий Павлович. Я тут гость и ничего не смыслю ни в банковском деле, ни в строительстве, ни в киевских порядках. И пришел к вам за разъяснениями, которые и лягут в основу моего доклада начальству.

– Хорошо. Оставим пока в стороне вопрос, почему Витте ничего не сказал зятю, но нанял сыщика...

– Не нанял, а прислал, – парировал Лыков.

– Прислал, – согласился Шлейфер. – Нам-то не легче. Мы вроде как должны оправдываться. А за что? Трудимся не покладая рук, украшаем город. Что вдруг стало не так?

– Очень просто. До Петербурга дошло письмо некоего Афонасопуло. Он обвиняет вас двоих в махинациях. Никто из столицы сюда бы не приехал, если бы один из вас не приходился родственником самому влиятельному человеку в России. После государя, разумеется. Это понятно?

Меринг молча кивнул и сложил руки на груди с оскорбленным видом. А Шлейфер фыркнул:

– Письмо Афонасопуло. Из-за этой глупой бумажки весь сыр-бор?

– Опровергните ее, и дело с концом!

– Ну тогда все просто.

– Валяйте.

– Мы дадим вам балансы домостроительного общества и заключения ревизионной комиссии. Там все написано. Дела идут прекрасно, активы превышают пассивы в полтора раза, запасный капитал сформирован в соответствии с уставом.

– Боюсь, что мало пойму в этом. Но приложу ваши бумаги к отчету для солидности.

После этих слов обстановка за столом разрядилась. Киевляне поняли, что ревизор им не враг. Или сделали вид, что поверили в это. Даже неудавшийся астроном перестал строить рожи.

– Вы ведь остановились в нашем «Континентале», видели, что это за прелесть! – воскликнул он. – Вот так мы строим. Сто номеров, и отбою нет от приезжих. А дома на Крещатике! Сейчас мы пошли дальше, взяли участки по Святославской улице на Афанасьевском яру и по Большой Васильковской. Не топчемся на месте, развиваем успех. А тут поклепы...

– Правда ли, что в строительстве наметился кризис? – осторожно спросил надворный советник.

– Он начнется через год-два, – ответил архитектор. – Но мы успеем достроить и продать, во-первых. А во-вторых, наши площадки лучшие в городе. Проблемы возникнут у других, кто

строит где попало. Элитных земель в Киеве очень мало из-за его невозможного рельефа. И все они у нас. На такой товар цены никогда не упадут.

– Как вышло, что лучшие участки достаются именно вам?

– За это следует благодарить Михаила Федоровича, – кивнул на партнера Шлейфер. – Усадьба его отца стала толчком всему. Застроив эту землю, мы уже твердо стояли на ногах. В чем секрет успеха Киевского домостроительного общества? Желаете узнать?

– Конечно.

– В соединении воедино всех необходимых компонентов. Есть кадры: я архитектор, Михаил Федорович финансист, а господин Марголин коммерсант. Кроме того, он вкладывает свои деньги, и поэтому нам меньше нужно заимствований. Далее, есть кредитные учреждения, и не одно, а целых два. Я имею в виду КЧКБ и ГКО¹³. И наконец, есть тесное сотрудничество с Думой и городской управой. Там знают, что мы не подведем и выстроим хорошо.

– Вы упомянули господина Марголина. Он третий ваш партнер по обществу?

– Да. И самый богатый из нас, чего таить. Мы с Михаилом Федоровичем трудящиеся люди, только-только заработали по миллиону. А Давид Симхович очень богат. Очень! Причем уже давно. И как человек опытный, нюхом чувствующий наживу, крайне нам полезен. Представляете, он никогда не ошибается.

– Такого не бывает, – усомнился Лыков.

– С Марголиным именно что бывает. Вот в чем его нужность, а не только в капиталах. Но и капиталы полезны, зачем лукавить. Однако тут выгода обоюдная. Вклад в банке дает Давиду Симховичу четыре процента в год. А доходный дом – двенадцать.

– А чем еще занимается ваш партнер?

– Легче сказать, чем он не занимается, – оживился Меринг. – Заметили на Днепре пароходы, выкрашенные в серо-голубой цвет? Это его пароходы. Два миллиона пассажиров перевозят за навигацию! Марголин – директор-распорядитель Объединенного общества пароходства по Днепру и его притокам. Еще он директор Общества городской железной дороги. Выстроил себе особый салон-вагон, как у государя императора, и носится на нем по Киеву. Горожанам нравится, они ему руками машут... Газовым освещением еще занимается и водоснабжением. Гласный Думы, коммерции советник. Большой человек.

– Я понял. Но вернемся к письму Афонасопуло. Вы читали его?

– Нам показывал сию бумажку губернатор, – ответил Шлейфер. – Он тоже стал адресатом неумного лгуна. Если там тот же бред, что и в доносе Витте, то можно сказать, что читали.

– Значит, там только бред?

Меринг стукнул кулаком по столешнице:

– Да уж не правда! Надо было такое придумать: мы с Георгием Павловичем заставляем его завышать оценку предметов залога. Даже технически это невозможно. Городская управа пристально следит за имуществом горожан и своего не упустит. Если завесить цену, то всю оставшуюся жизнь будешь платить повышенную ставку обложения. Кто на такое пойдет?

– Ну если стройка застыла, денег нет, зима на носу, тогда все средства хороши, – предположил сыщик.

Но киевляне не согласились.

– Вокруг этого дела крутится огромное количество людей, – пояснили они. – Строительная инспекция управы, архитекторы, подрядчики, старосты артелей, кирпичные магнаты, факторы, покупатели жилья... Любая мелочь известна всему кругу. Ничего не спрятать, тем более мошенничества. Давно бы по Киеву ходили слухи. А от наших домов шарахались бы, как черт от лаdana. Но все наоборот. В очередь записываются. Люди приносят деньги, чтобы купить

---

¹³ КЧКБ – Киевский частный коммерческий банк; ГКО – Городское кредитное общество.

площади под магазин. А там даже котлован еще не выкопан. Дом назначен к постройке в следующем году, а квартиры в нем все уже разобраны!

Лыков вспомнил многочисленные объявления о сдаче жилья, что он видел в местных газетах. Квартиры в семь, восемь, даже двенадцать комнат предлагались желающим. Крестьян, Большая Васильковская, Институтская, Банковая – лучшие улицы. Значит ли это, что спрос превысил предложение? В Петербурге, он знал, жилья не хватало. А в Киеве? Нет, надо срочно найти независимого специалиста. Отсюда можно уходить, ничего кроме уверений в полном успехе он не услышит.

– Господа, как так вышло, что вы даете ссуды сами себе? Согласитесь, это вызывает вопросы.

– Что значит сами себе? – полез в бутылку Меринг.

– То и значит, Михаил Федорович. Вы двое командуете в разных банках. И одновременно заправили в домостроительном обществе.

– Позвольте мне пояснить, Алексей Николаевич, – сказал Шлейфер. – У вас неверное понимание. Вы что, действительно считаете, что мы сами себе кредиты выписываем? Хе-хе. Кто бы нам позволил? Есть другие акционеры, есть ревизионная комиссия. Главное же, получателями денег в обоих наших банках являются клиенты. А вовсе не Киевское акционерное домостроительное общество. Посмотрите кредитный портфель – там кто угодно, только не КАДО!

– На какие же средства вы строите?

– На собственные капиталы общества, на марголинские займы и на взносы покупателей жилья.

– Ну допустим. Последний вопрос: что за человек был оценщик Афонасопуло? Почему он стал писать на вас ябеды?

– А бог его знает, – безнадежно махнул рукой Меринг. – Я пытался сначала с ним поговорить, успокоить. Но он задирался по пустякам, из принципа. Происхождение, видать, мешало вести себя как полагается.

– Происхождение? Он что, из благородных? Не встречал я в Бархатной книге такой фамилии.

– Настоящая его фамилия – Папа-Афонасопуло. Он был сын адъютанта генерал-губернатора Дрентельна. Помните такую фигуру?

– Помню, – кивнул Лыков. – Третьим отделением заведовал, потом к вам попал. Он ведь и умер в Киеве? Я видел памятник ему на Владимирской горке.

– Да. Начальник края упал с лошади во время крестного хода. Тот бывает у нас ежегодно пятнадцатого июля, в день крещения Руси. С Дрентельным случился удар прямо во время парада войск по случаю торжества. Как раз Афонасопуло-старший внес шефа на руках во дворец, где тот вскорости и отдал Богу душу. Тащил вместе со вторым адъютантом, Треповым, что нынче губернатор. На этом адъютантство закончилось, потом закончились и деньги. Сын унаследовал лишь отцовские долги да еще гонор. Пришлось зарабатывать на жизнь, идти в оценщики. Как так? Отпрыск самого адъютанта генерал-губернатора! Он думал, дурак, что за одно имя его всю жизнь будут потчевать. А пришлось вот служить... Ну, отсюда глупые обиды, а от обид – доносы.

Объяснение было убедительным. А тут еще Шлейфер добавил:

– Мы получили на него несколько жалоб. Афонасопуло вымогал у клиентов банка деньги за нужную оценку предмета залога. Готов был ее завесить до небес, при соответствующей мзде. Так что, Алексей Николаевич, зря Витте вас сюда послал. Ничтожный человек сочинил ложь. Не надо тратить на нее время.

– Почему же вы тогда его не уволили?

– Увольнение – крайнее средство, – нехотя ответил Меринг. – Мы надеялись, что Платон Иванович образумится... А потом, вы ведь уже знаете, как он оказался в банке. Губернатор попросил. С такой лапой наверху Афонасопуло решил, что ему все дозволено.

Его объяснение прозвучало неубедительно. Что-то не так в этой истории. Подчиненный пишет доносы на начальство, при этом еще берет взятки. А ему все сходит с рук. Трепов давно отказался от поддержки своего протеже и сам не рад случившемуся. Причина лишь одна: Афонасопуло замешан в темных делах вместе с хозяевами. Много знает, потому его нельзя выгнать, приходится терпеть. Почему же тогда от шантажиста просто не откупились?

Но пора было заканчивать разговор.

– Вы должны понять Сергея Юльевича, – сказал сыщик, поднимаясь. – Министр финансов по роду занятий вынужден часто отказывать, и тем наживает себе врагов. Обиженные спят и видят, как бы отомстить. А тут такая история: родственник в Киеве замешался в аферизм. Даже если в ней нет ни слова правды, отыщется тьма желающих раздуть сплетню. Вот он и страхуется.

– Все равно я напишу тестю, – капризно заявил Меринг. – Пусть...

Но партнер перебил его:

– Миша, не надо!

И несостоявшийся астроном сразу замолчал.

На этом собеседники расстались. Лыкову вручили балансы банка и домостроительного общества, отчеты ревизионных комиссий, перечень заемщиков. И выпроводили вон.

Лыков сел в номере и попытался изучить бумаги. Куда там! Здесь нужен был опытный бухгалтер, а не сыщик. Он отложил пачку и задумался. Надо найти строительного подрядчика, независимого и сведущего. Попросить Асланова, пусть поможет? Нет, Спиридон Федорович из той же партии. Всем им, от губернатора до околоточного, хочется сплавить ревизора побыстрее обратно в Петербург. Требуется человек, никак не связанный с нынешней киевской верхушкой. Но Лыков приезжий и не знает местных условий. Пойти к генералу Маврину? Письмо барона Таубе лежит в чемодане, ждет своего часа. Однако вряд ли дежурный генерал штаба военного округа силен в строительных вопросах.

Подумав, надворный советник сочинил одну идею. Вечером можно попробовать. А сейчас надо идти в сыскное, теревить Асланова. Пока Лыков изучал банковскую версию смерти оценщика, тот прорабатывал уголовную. С момента обнаружения трупа прошли уже сутки. Есть ли новости?

Надворный советник явился на Большую Житомирскую. Ни Асланова, ни Желязовского на месте не оказалось. В столе личного задержания сидел и что-то писал мужчина средних лет с приятным лицом. Увидев начальство, он поднялся и вытянулся:

– Здравия желаю, ваше высокоблагородие.

Лыков покосился на его бумагу – это был протокол обыска. Он догадался, кто перед ним.

– Здравствуйте, господин Красовский. Хотел с вами познакомиться, и вот... Очень кстати.

Красовский был вторым околоточным надзирателем сыскного отделения. Вчера, во время знакомства с кадром, он отсутствовал. Идея, что придумал Алексей Николаевич в номере, в том и заключалась, чтобы изучить журнал приводов. И сравнить, кто из двух надзирателей больше поймал воров. Почему-то ему казалось, что Асланов с его внешностью абрека не чист в этом вопросе. Спиридон Федорович напоминал Мойсеенко из МСП¹⁴. Тот был успешный и ловкий сыщик, но притом потатчик фартовых. Неужели хищный профиль татарина так смутил питерца? Плохо, плохо судить о человеке по его внешности...

---

¹⁴ МСП – Московская сыскная полиция; *Мойсеенко* – действующее лицо из рассказа «Дело Безногого» (см. книгу «Удар в сердце»).

– Я Лыков Алексей Николаевич, – протянул руку сыщик. – А вас звать Николай Александрович, правильно помню?

– Правильно.

– Я здесь из-за письма некоего Афонасопуло. Начальство должно было вам пояснить.

– В общих чертах пояснило.

– Мне помогает Спиридон Федорович.

Красовский молча кивнул.

– Скажите, Николай Александрович, могу я в случае необходимости обращаться к вам за справкой или советом? Не афишируя нашего общения.

Надзиратель не спешил с ответом. Он разглядывал питерца так, словно делал ему оценку. Пытался понять, куда клонит приезжий и можно ли ему доверять. Лыков ждал. Опытный человек по каким-то ему одному понятным приметам судит о людях. Как решит, так и пойдет у них дело. Или не пойдет.

– А в чем могут заключаться мои советы? – заговорил наконец Красовский. – В знании города и его преступной среды? Но это же знает и Асланов.

– Да. Но я хочу выслушать разные точки зрения, а не одну. Вот к примеру, все убеждают меня, что никакого домостроительного кризиса в Киеве сейчас нет. А мне кажется, что он есть.

Тут в комнату зашел городской и стал прислушиваться к разговору. Красовский сразу изменился, принял подобострастный вид и отчеканил:

– Всегда готов к услугам вашему высокоблагородию.

Но при этом усмехнулся одними глазами и покосился на вошедшего.

– Благодарю, – ответил Лыков и вернулся в приемную. Сыщик понял, что они с Красовским договорились.

В приемной кстати обнаружился Асланов.

– Ба, Алексей Николаевич! А я за вами в гостиницу послал. Вы почему съехали с явки? Не понравилось?

– Да, шумно там и все на виду. Неудачное вы место выбрали для конспиративной квартиры.

– Зачем же вам деньги тратить?

– Приказ о моей командировке подписан министром. Значит, мне полагаются двойные прогоны. Да за одну только разницу между ними и настоящей ценой билетов я могу жить у Гладынюка до Рождества.

Тут надворный советник заметил, что Асланов очень возбужден. Щеки горят, мощные плечи ходят ходуном.

– Где вас так завели, Спиридон Федорович?

Вдруг вбежал пристав и подхватил разговор:

– Это он у нас опять отличился. Задержал в одиночку троих воров!

– Расскажите подробности.

– У нас две недели крали проволоку со столбов городской железной дороги. Каждую ночь саженей по двадцать-тридцать резали и уносили. И никак поймать их не могли. Спиридону это надоело, и он отправился в засаду...

– А почему один-то? – перебил Лыков.

– Так незаметнее, – пояснил надзиратель. – Толпу они бы увидели. Сигнальщиков выставили, следили, нет ли чужих. Я из подворотни наблюдал.

– Это на Бибиковском бульваре было, – продолжил рассказ Желязовский. – Еще на Кадетском шоссе хищничали, они же. Ну, Спиридон их и накрыл с поличным.

– Прямо там, на бульваре?

– Нет, – осклабился надзиратель. – На бульваре их бы любой дурак задержал. А надо же выяснить, кто покупец. Я проследил за ними до самой Нижней Соломенки. Вижу, они

проволоку срезали и туда тащат, волоком. Иду следом, глаз не мозолю. В Кадетской роще чуть их не потерял. Но дошли. Я уж на полпути понял, куда они меня ведут.

– Куда?

– Есть там такой Иона Лещ, держит железную лавку. А сам пассажир¹⁵, давно у нас на подозрении. Точно! К нему и пришли.

– И что же вы один в этот притон полезли? Почему подмогу не вызвали?

– Да уж очень все сошлось. Тут и воры, и проволока, и покупатель налицо. Пока я подмогу искал, они бы разбежались. Ну и ввалился.

– Неужели сдались без боя?

– Куда там, – махнул рукой Асланов. – За ножи схватились. Пришлось их в тесто замесить.

– В одиночку троих? – поразился надворный советник.

– Лещ сразу под стол залез, он не боец. А двое, что проволоку резали, сдаться не пожелали. Вот, взгляните.

И надзиратель показал борт сюртука. Он был распорот ножом, наружу торчала подкладка.

– Руку я ему сломал, чтобы больше на полицию не бросался. А второму челюсть своротил.

– Уж не в первый раз Спиридон отличается, – вставил Северин Янович. – Я вошел к полицмейстеру с ходатайством о награде. Лучший в отделении.

– Нет слов, – уважительно сказал питерец. – Видно сокола по полету. А про мое дело не забыли, Спиридон Федорович? Или вам не до него было?

– Насчет Афонасопуло? Нет, не забыл. Я его товарища нашел, который за комиссионные клиентов приводил.

– Клиентов?

– Да, тех, кто хотел банк обмишурить.

– Вот это любопытно, – обрадовался сыщик. – Кто он? Как мне с ним побеседовать?

– Сейчас. Уф! Извините, Алексей Николаевич, никак не отойду. Давно на меня с ножами не кидались...

Асланов поежился, по его сильному телу словно прошла судорога. А потом он привычно ухмыльнулся:

– Фамилия у комиссионера смешная – Финкель-Князин-Победоносцев.

– Что, тройная?

– Ага.

– Встречал я раз человека с тройной фамилией, но то был Голенищев-Кутузов-Толстой. А тут какой-то Финкель. Не жирно ему? Кто он?

– Надзиратель в Первом реальном училище, это на Трехсвятительской. Еще он... как уж там? Ктитор. И учитель пения.

– То есть мелкая сошка?

– Мельче некуда.

– Поедем к нему.

– Зачем? Он сам сюда придет к четырем часам, как уроки закончатся.

– Очень хорошо. Мне еще с одним человеком надо поговорить.

– С Гершко Кутиком? – снова ухмыльнулся надзиратель. – А этого я вызвал на пять.

– Да вы опасный человек, Спиридон Федорович. Мысли читаете.

– Сыщик сыщика завсегда поймет. Еще, помните, вы мне поручали агентуру пошевелить?

– Помню. Что, есть новости?

---

¹⁵ Пассер – то же, что и блатер-каин: барыга, скупщик краденого (жарг.).

– Кое-что удалось выяснить. Давайте ближе к ночи съездим в один притон – там мой человек за порядком смотрит. Он с никольскими бандами хорошо знаком, должен просветить.

Лыков приступил к допросам свидетелей. Сперва он поговорил с обладателем тройной фамилии. Маленький напыщенный человек начал с истории своего рода. По его словам выходило, что Финкель-Князин-Победоносцевы чуть ли не родня австрийскому императору. Питерц недолго слушал эти сказки. Он перебил ктитора и велел рассказать про Афонасопуло.

– А чего говорить-то? Ну, игрок он и есть игрок. Карты любил, а еще ипподром.

– Ипподром?

– Да, в Печерске на Эспланадной площади. В главной беседке принимаются взаимные заклады¹⁶. Десять рублей билет.

– И как играл ваш приятель? Везло ему или наоборот?

– В последний-то раз повезло, – сообщил ктитор. – Перед тем как ему пропасть, Платон Иванович три тыщи сорвал.

– И что же, он с этим выигрышем в Никольскую слободу поплыл, в «Венецию»?

– Этого я достоверно не знаю. Мог в «Венецию», в картишки пробросить. А мог и снова на ипподром. Он, когда ему везло, упорный делался. Играл до потери сознания, да.

Лыков покосился на Асланова. Тот незаметно кивнул ему: понятно, выясним. Новость была важной. Если оценщик шлялся по значным местам при деньгах, его могли приткнуть не в Никольской слободе, а в самом Киеве. Тогда это уже другой расклад.

– Вы на скачках вместе бывали? – продолжил допрос надворный советник.

– Когда как.

– Что там делал Афонасопуло? С кем общался, имел ли знакомства среди жокеев? Куда потом шел?

– Если проигрывал, то сразу домой, на Лабораторную. А если удача ему, то к женщине.

– К женщине? – хором спросили сыщики. – К какой?

– Не знаю, – открестился Победоносцев. – Дважды только такое и случалось. Мы вместе спускались на Бессарабку по «собачьей тропе». А внизу расходились. Я шел налево, к себе на Жандармскую. А Платон Иванович сворачивал в Рогнединскую. Где-то там его пассия живет. Он говорил – вдова.

– Что за собачья тропа? – спросил Лыков у надзирателя.

– Короткая дорога из Печерска вниз, на площадь Богдана Хмельницкого, именуемую Бессарабкой.

– А почему так называется?

– Да она неустроенная. И опасная, между прочим. Карманы проверят только так.

– Мы потому и ходили вдвоем, – вставил Победоносцев. – Один-то я туда не суюсь.

– Хорошо. Теперь расскажите, что за гешефт у вас был с Афонасопуло? Вы ему клиентов поставляли?

– Ну, иногда...

– Что за люди?

– Да застройщики. Домик надо улучшить, или ссуду в банке перехватить. Под залог имущества дают охотнее. Вот они и просили Платона Ивановича расценить как следует.

– И он не отказывал?

Ктитор посмотрел на питерца с недоумением:

– Кто же в таком деле откажет? Оценщиков много, к другому уйдут.

– Но, говорят, при управе есть присяжные ценовщики, которые и оценивают имущество для налогообложения...

– Есть, и что?

---

¹⁶ Взаимные заклады – тотализатор.

– Зачем тогда нанимать кого-то еще? – уточнил питерец. – Взять их цифру и ее предъявить в банк.

– Ах, вы вон в каком смысле? – осклабился Победоносцев. – Так я вам поясню. Присяжные ценошники – большие жулики и за малую мзду сведут стоимость вашего жилья почти что к нулю. По вашей просьбе. Так обычно в Киеве и поступают к пятнадцатому апреля. А для залога в банке нужны другие цифры, будто бы у вас дворец. Ну, здесь и приглашаются подходящие люди...

– И какой банк вы с Платоном Ивановичем надували?

– Да разные. Изволите ли знать, все служащие в этих банках между собой знакомы и в таких делах друг дружке помогают. За куртаж.

Родственник австрийского императора ушел, а пришел Кутик. Этот оказался рыжим и развязным. Он не добавил ничего нового. Домовладелец признал расписку и вынул из кармана свой экземпляр. Рыжий подтвердил, что указанная в них сумма – двести рублей – является взяткой. Афонасопуло «решал вопросы» в нескольких банках, а Кутику требовалась ссуда. Гершко Абрамович скулил, что вот, деньги отданы, а теперь и спросить не с кого. Смерть оценщика ничего для него не значила: это было просто неудачное коммерческое вложение...

В десятом часу вечера Лыков с Аслановым в закрытой пролетке отправились на Подол. По дороге питерец попробовал разговорить местного сыщика:

– Сильно у вас тут шалят?

– В большом городе всегда шалят. А Киев немаленький. Опять же, много пришло людей. Среди них, конечно, не только злочинцы. Но сброд, всякая сволочь норовит почему-то остаться здесь.

– Где всего опаснее?

– В Никольской слободе. Там грантовщик на грантовщике сидит и барыгой погоняет.

– А Бессарабка спокойнее?

Надзиратель ухмыльнулся в своей манере:

– Бесписьменных¹⁷ мы, верно, там больше, чем в других местах, забираем. Подкальвателей шайки две-три...

– Подкальвателей? Это что за птицы?

– Ну, которые с ножами ходят и норовят ими ткнуть кого попало.

– Понял. В Риге их называют ножевики. Но это мелкая шпанка, они благородных стараются не задевать.

– Я их потому и в расчет не беру, – пояснил татарин. – Убить такого человека, как Афонасопуло, – тут серьезные ребята нужны.

– И где их искать?

– Серьезные в городе предпочитают не жить. Разве что в Кукушкиной даче, когда тепло.

– Что за дача?

– Ну это лишь называется так. Местность под садами, ближе к Днепру.

– Спиридон Федорович, под какими садами?

– Под Городским и Мариинским. Вы в парке на обрыве были, видами любовались?

---

¹⁷ Бесписьменный – человек без документов или с документами, но без прописки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.